

Часть вторая

МЕНТАЛЬНЫЙ МЕТАБОЛИЗМ

Любой инородный, чуждый или враждебный Личности элемент, привнесенный в нее извне, создает внутренние напряжения, препятствует ее работе и может даже привести к полной ее дезорганизации и дезинтеграции. Личность, подобно организму, зависит от непрерывного поступления из внешней среды интеллектуальной, социальной и тому подобной пищи. Но пока этот чужеродный материал не будет надлежащим образом включен в обменные процессы Личности и ассимилирован ею, он может оказаться пагубным и даже фатальным для нее. Так же как ассимиляция органического материала необходима для животного роста, усвоение Личностью нравственного и социального материала становится центральным пунктом ее развития и самореализации. Способность к такой ассимиляции колеблется в широких пределах у различных индивидов. Гете смог вобрать в себя и ассимилировать всю науку, искусство и литературу. Он смог усвоить громадные пласты чужого опыта, освоиться в них и обратиться на достижение того блеска и величия самореализации, которое сделало его одним из величайших людей.

Дж.К.Смутс

Глава 1

ПИЩЕВОЙ ИНСТИНКТ

Если мы разрежем по трем измерениям куб со стороной, равной одному дюйму (рис. 1 и 2), то получим восемь кубов вместо одного; объем останется прежним, но площадь поверхности удвоится (рис. 3).

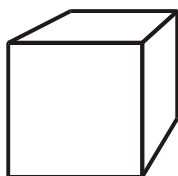

Рис. 1

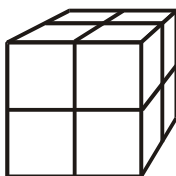

Рис. 2

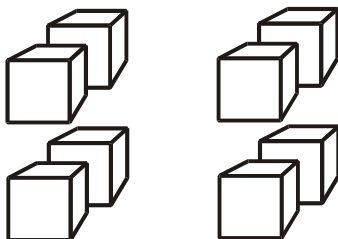

Рис. 3

На рис. 1 показана поверхность площадью в шесть квадратных дюймов; на рис. 3 изображены восемь кубов, каждый из которых имеет шесть сторон по полдюйма: $8 \times 6 \times \frac{1}{2} \times \frac{1}{2} = 12$ квадратных дюймов. Удвоив таким образом поверхность исходного куба, мы можем продолжать деление кубов дальше, тем самым увеличивая поверхность.

Преимущество большой поверхности заключается в быстроте и эффективности реакции на физические и химические воздействия. Таблетка аспирина, истолченная в порошок, растворяется быстрее, чем целая. Кусок мяса, помещенный в слабую кислоту, будет растворяться долгое время, поскольку кислота разъедает только поверхность, не затрагивая внутренние слои. Если же пропустить его через мясорубку и равномерно распределить в кислоте, то все вещество растворится за то время, которое потребовалось бы для растворения его поверхности.

Так, $\bar{\eta}$ играет главенствующую роль в процессе пищеварения. Однако не следует пренебрегать и $\bar{\eta}$, поскольку оно присутствует в процессах формирования отношения к пище (аппетит), в дегустации и в некоторых синтетических химических реакциях, происходящих в нашем организме. Эти функции остаются относительно малозначимыми для зародыша, но в ходе постнатального развития их значение все возрастает.

На начальной стадии эмбрион ничем не отличается от любой другой ткани матери; он получает требуемое количество кислорода и всю необходимую ему пищу в разжиженном и химически подготовленном к усвоению виде через плаценту и пуповину. На первых порах все продукты доставляются к тканям зародыша без какого бы то ни было усилия с его стороны, хотя позднее в их распределение включается сердце эмбриона. С рождением ребенка пуповина перестает выполнять свои функции, жизненная связь между матерью и ребенком прерывается, и для того, чтобы остаться в живых, только что появившемуся на свет младенцу приходится решать задачи, которые, будучи простыми для нас, могут представлять трудность для молодого организма. Ему приходится теперь самостоятельно добывать себе кислород, то есть начать дышать, и научиться самому поглощать пищу. Разрушение твердых структур, как указано в начале данной главы, еще не освоено им, но молекулы протеинов и подобных веществ, содержащихся в молоке, должны пройти химическое расщепление и быть разложенными на более

простые вещества. Существует, однако, один вид активной сознательной деятельности, которую приходится выполнять младенцу: *присасывание*.

На следующей стадии у ребенка прорезаются передние зубы — появляются первые орудия для разрушения твердой пищи. Передние зубы действуют как ножницы, вовлекая в работу также и челюстные мышцы, хотя в нашей культуре вместо них зачастую используется нож, что приводит к ослаблению зубов и их функции. Задача зубов состоит в разрушении макроструктуры пищевого продукта, как показано на рис. 1—3.

Соски матери становятся «объектом» кусания. «Каннибализм», как неверно обозначил эту стадию психоанализ, вступает в свои права. Укусы соска могут оказаться болезненными для матери. Не понимая биологической природы детского желания укусить или, возможно, имея чувствительный сосок, мать способна расстроиться и даже отшлепать «противного» ребенка. Повторное наказание обуславливает подавление кусания. Кусание идентифицируется с причинением боли и самим чувством боли. Травма наказания, однако, встречается реже, чем травма фрустрации при отлучении от груди (преждевременном или внезапно проведенном). Чем сильнее запрещается кусательная активность, тем менее ребенок окажется способным энергично вцепиться в предмет в том случае и тогда, когда этого потребует ситуация.

Отсюда берет свое начало порочный круг. Маленький ребенок не может подавлять¹ свои импульсы, нелегко ему и противостоять такому сильному побуждению, как желание укусить. У маленького ребенка функции Эго (а с ними и границы Я) еще не развились и не обозначились. Насколько я понимаю, в его распоряжении имеются только средства проекции. На данной стадии ребенок не способен различать внутренний мир и внешний. Поэтому выражение «проекция» не совсем точно, поскольку оно означает, что нечто, принадлежащее внутреннему миру, переживается как принадлежащее внешнему миру; но в практических целях мы можем использовать термин «проекция», вместо «предифференцированной проекции» (См. главу 10 этой части).

Чем строже запрещенной и спроецированной окажется способность причинять боль, тем скорее у ребенка разовьют-

¹ Подавление изначально основано на контроле за запирающими мышцами рта, ануса и уретры.

ся страх получить ее, а страх возмездия, в свою очередь, приведет к дальнейшему усилению отвращения к причинению боли. Во всех подобных случаях выявляется недостаточное использование передних зубов, наряду с общей неспособностью овладеть жизненной ситуацией, вцепиться мертвой хваткой в поставленную задачу.

Другим следствием подавленной агрессии является «ретрофлексия», которой я посвятил особую главу.

Если дентальное развитие остановилось после появления и использования резцов, то мы сможем разгрызть большой кусок, превратив его в несколько маленьких кусочков, но их переваривание окажется затруднено для желудка и требует значительного времени. Чем тщательнее измельчат для химического воздействия. Задача зубов состоит в том, чтобы разрушать крупные куски пищи, пережевывание представляет из себя последнюю стадию механической подготовки к химической атаке телесными соками. Наилучшее обеспечение правильного пищеварения состоит в перетирании пищи почти в жидкую кашу, тщательно перемешанную со слюной.

Немногие люди осознают тот факт, что желудок — это просто еще одна разновидность кожи, неспособная справиться с большими кусками. Порою организм пытается возместить недостаточное пережевывание выделением избыточного количества желудочной кислоты и пепсина. Однако, такое приспособление увеличивает опасность возникновения язвы желудка или двенадцатиперстной кишки.

Различные стадии в развитии инстинкта утоления голода могут быть классифицированы на *пренатальную* (до рождения), *предентальную* (грудной младенец), *резцовую* (кусание) и *молярную* (откусывание и пережевывание) стадии. Перед тем как перейти к детальному рассмотрению психологических аспектов каждой из этих стадий, мне хотелось бы остановиться на одной затронутой ранее проблеме: проблеме нетерпения. Многие взрослые люди относятся к твердой пище так, «как если бы» она была жидкой и ее можно было бы поглощать большими глотками. Таких людей всегда характеризует нетерпение. Они требуют немедленного утоления своего голода, не находя интереса в разрушении твердой пищи. Нетерпеливость сочетается в них с жадностью и неспособностью достичь удовлетворения, что будет в дальнейшем показано на примерах.

Чтобы осознать существование тесной связи между жадностью и нетерпением, необходимо лишь проследить за возбуждением, жадностью и нетерпением грудного младенца, когда он сосет. Функция *контакта* у грудного младенца ограничена присасыванием, после чего кормление сводится к *конфлюенции* («confluence» — от лат. «fluere» = «течь». — *примеч. перев.*). Когда взрослых одолевает жажда, они ведут себя подобным же образом и не видят в этом ничего предосудительного. Но те люди, что заглатывают куски целиком, глотают твердую и жидкую пищу, в результате чего у них не развивается ни способность пережевывать, т.е. тщательно прорабатывать что-либо, ни умение выносить напряженное ожидание.

Сравните нетерпеливого едока (который, конечно же, всегда найдет оправдание своей поспешности, вроде «отсутствия времени») с человеком, ожидающим трамвая. В сознании жадного едока желание «набить рот» образует такую же «фигуру», как и трамвай у того, кто его с нетерпением ждет. В обоих случаях ожидается конфлюенция, слияние образа и реальности, и это становится первостепенной потребностью. Наполнение рта не отступает на задний план, как должно было бы произойти, и удовольствие от дегустации и разрушения пищи не становится средоточием интересов — «фигурой».

Самое главное, что *деструктивная тенденция, которая должна получать свой естественный биологический выход в использовании зубов, остается неудовлетворенной*. Здесь мы находим те же положительные и отрицательные функции, что и в случаях избегания. Функция разрушения, хотя и является сама по себе не инстинктом, а лишь мощнейшим инструментом на службе у инстинкта утоления голода, «сублимируется» — отворачивается от такого объекта как «твердая пища». Она проявляет себя в убийствах, развязывании войн, жестокости и других пагубных способах поведения, или, через посредство ретрофлексии, в самоистязании и даже саморазрушении.

С чисто психическим опытом (желания, фантазии, сны наяву) часто обращаются так, «как если бы» это было объективной реальностью. В случае невроза навязчивых состояний и некоторых других неврозов можно, например, отметить, что совесть третирует желание совершить что-либо запретное таким же образом, как и государственные властные структуры, наказывающие за уже совершенное преступление. В действи-

тельности, многие невротики не могут отличить воображаемого проступка от реального.

При психозах слияние воображения и реальности зачастую приводит к тому, что пациент не только ожидает реального наказания, но и наказывается за поступки, совершенные им в воображении.

Интеллектуальный и эмоциональный голод воздействуют на человека подобно физическому: К.Хорни верно замечает, что невротик *постоянно* с жадностью ищет любви, но его жадность никогда не вознаграждается. То, что невротик не ассимилирует предлагаемую ему любовь, является решающим фактором в его поведении. Он либо отвергает, либо недооценивает ее, и она начинает претить ему или теряет для него всякую ценность, как только он ее получает.

Более того, это нетерпеливое, жадное отношение больше чем что-либо другое ответственно за ту чрезмерную глупость, что царит в мире. Точно так же, как таким людям не хватает терпения, чтобы как следует прожевать обычную пищу, им не хватает времени и для того, чтобы «разжевать» пищу духовную.

Поскольку новейшие времена в значительной степени способствуют распространению привычки поспешного поедания пищи, неудивительно, что один великий астроном сказал: «Насколько мы знаем, бесконечны две вещи — вселенная и человеческая глупость». Сегодня мы знаем, что это утверждение не совсем правильно. Эйнштейн доказал нам, что вселенная ограничена.

Глава 2

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Теория либидо утверждает, что развитие сексуального инстинкта проходит через оральную и анальную стадии и что нарушения и фиксации на этих стадиях препятствуют развитию здоровой сексуальной жизни. И собственные наблюдения, и соображения теоретического порядка вынуждают меня не согласиться с этой гипотезой. Если основные интересы человека лежат в оральной или анальной сфере, то Эго может значительно ослабить его сексуальные интересы; а если он признает сексуальные табу, то его интерес к поглощению пищи и, по крайней мере в нашей цивилизации, к испражнению, должны возрасти. Возникновение орального или анального характеров часто является результатом отталкивания и притяжения — от гениталий к отверстиям пищеварительного тракта.

Весьма спорным было бы рассматривать генитальный характер как высшую форму развития. Райх, к примеру, в своем прославлении сексуальной потенции создает впечатление искусственного идеала, не существующего в действительности. Я согласен с ним в том, что любое нарушение в функции оргазма ведет к расстройству других функций личности, но то же самое происходит и при любом нарушении функций Эго, инстинкта голода и, как показали Ф.М.Александр и сам Райх, двигательной системы. В моей практике встречались случаи истерии, в которых затруднения сексуального характера преодолевались очень быстро, хотя анализ оказывался затруднен из-за слабо развитых функций Эго.

В нашей цивилизации определенно встречаются типично оральные и анальные характеры, но упоминание об анальном комплексе нечасто можно встретить в Библии или в среде примитивных народов. Дефекация превратилась в досадную неприятность, и с тех пор как произошло открытие того, что фекалии являются переносчиками бацилл тифа, холеры и других болезней, они подверглись гигиеническому табуированию и стали глубоко презираемы. Противоположное анальное поведение мы видим в Китае, где испражниться на поле хозяина не выглядит постыдным; напротив, это рассматривается как любезность, поскольку навоз в дефиците и потому высоко ценится.

Хотя психоаналитики квалифицировали людей на обладающих оральным, анальным и генитальным характером, они никогда не интересовались различными видами сопротивлений, присущим этим трем типам. *Оральное* и *генитальное* сопротивления игнорируются, а всякое сопротивление трактуется как *анальное*, как нежелание отдавать или как тенденция удерживать в себе умственное, эмоциональное и физическое содержимое. Фрейд обращался со своими пациентами как с детьми, сидящими на горшке, убеждая, вынуждая их открыть ему все, что у них на уме без снисхождения к их смущению.

Если мы признаем существование трудностей у людей с оральным или генитальным характером, то почему бы нам не попытаться поискать специфичные для этих типов сопротивления? Генитальное сопротивление не обязательно должно быть таким убогим, как типичное анальное сопротивление. Мастурбирующий человек не всегда избегает полового контакта из-за того, что боится потерять свое драгоценное семя; его сопротивление может быть вызвано стеснительностью, страхом заразиться или другими видами генитального сопротивления, типичными следствиями которых оказываются фригидность и импотенция.

В оральном типе можно встретить случаи очевидного орального сопротивления, соответствующие недостаточному развитию функций кусания. Примитивное оральное сопротивление выражается в голодовке, либо сознательной, как у заключенных (с целью добиться выполнения определенных требований), либо бессознательной, в форме отсутствия аппетита. Муж, расстроенный поведением жены, возможно, не станет выражать свою агрессию посредством зубов, его раздражительность находит выход не в том, чтобы наброситься на еду,

а в отказе от приготовленной ею пищи: «он просто-таки не может проглотить ни кусочка». Недавно я натолкнулся на следующее упоминание: У.Фолкнер обнаружил, что у людей, узнающих плохие новости, наблюдаются локальные сокращения пищевода (спазмы), и совершенно очевидно, что они сопротивляются «проглатыванию» неприятной информации.

Оральным сопротивлением чрезвычайной важности является отвращение. Оно (главным образом в качестве чувства «сытости-по-горло») оказывается главным симптомом неврастении. *Подавленное* отвращение играет ведущую роль в развитии параноидного характера. Я наблюдал случай расстройства, пограничный между паранойей и параноидным характером у человека, который страдал от возобновляющихся приступов тошноты, не сопровождаемых, однако, чувством отвращения. Для этого не было никаких физиологических оснований. Отвращение, по существу, это чисто человеческий феномен. Хотя в этом направлении и производились некоторые наблюдения над животными (в основном, прирученными), можно взять за общее правило, что животное не нуждается в том, чтобы возвращать не нравящуюся ему пищу. Оно не станет есть ту пищу, к которой его не тянет. В соответствии с теорией инстинкта, представленной в данной книге, кусок мяса, лежащий на лугу, не существует для коровы. Он никогда не становится «фигурой», не съедается и поэтому не может вызывать отвращения. В процессе воспитания человеческого существа, однако, отвращение играет важную роль.

Отвращение означает неприятие, эмоциональный отказ организма от пищи вне зависимости от того, *действительно* ли пища находится в горле или желудке или только *воображается*, что она там. Пища, так сказать, избежала вкусовой цензуры и попала прямо в желудок. Если человек при виде гниющего вещества (или чего-то другого, вызывающего антипатию) испытывает отвращение, он ведет себя так, «как если бы» это вещество уже было у него в желудке. Его ощущения варьируют от легкого дискомфорта до сильнейшего раздражения; его даже может стошнить, хотя вызывающее отвращение вещество в действительности находится снаружи. Такой род сопротивления относится к разряду уничтожающих. Отвращение имеет смысл прекращения возникшего орального контакта, отторжения чего-то, что стало частью нас самих: «и Господь изверг его из уст Своих».

Отвращение к фекалиям является эмоциональным мотивом, последствием воспитания у ребенка чистоплотности, и,

хотя исходно отвращение представляет собой оральное сопротивление, оно формирует ядро анального комплекса. Ребенок отчуждается от своих материальных продуктов и процесса их выработки¹.

Дополнительное сопротивление, *сопротивление сопротивлению*, имеет особое значение: подавление отвращения. Например: ребенок, который терпеть не может определенную пищу, может почувствовать к ней отвращение, которое вызовет рвоту. Ребенка наказывают, так как предполагается, что он должен есть все. Снова и снова его заставляют есть неприятную ему пищу.

Поэтому, дабы найти выход из конфликтной ситуации, он начинает быстро заглатывать еду (с тем чтобы избежать отвратительного вкуса) и пытается, со временем все более и более успешно, вообще ничего не почувствовать. Так у него развивается отсутствие вкуса, оральная фригидность. Я нарочно использую термин фригидности, поскольку этот процесс очень похож на тот, посредством которого женщина, страшась по разным причинам ощущений своих гениталий, становится фригидной, что позволяет ей, с одной стороны, «терпимо относиться» к сексуальным посягательствам мужчин, а с другой — избегать конфликтов, которые возникли бы между ними, если бы она поддалась своему страху и отвращению.

Пока я только затронул вопрос об оральных, анальных и генитальных сопротивлениях, и еще многое можно добавить, в особенности о дензальном сопротивлении, ибо я настаиваю на том, что в использовании зубов проявляется самая главная биологическая репрезентация агрессии. Не только проецирование, но также и подавление (или сопротивление) их агрессивной функции во многом ответственно за то плачевное состояние, в котором находится наша цивилизация.

Перед тем как начать обсуждение данного явления, я все же хочу еще раз подчеркнуть, что большинству людей трудно свыкнуться с мыслью о структурном сходстве физичес-

¹Его незаинтересованное, равнодушное отношение к производимому им самим продукту как нельзя лучше готовит его к жизни современного промышленного рабочего, чья продукция рассматривается под тем же углом, что и испражнения ребенка. Как только продукт вырабатывается, он тут же отбирается у производителя, который не проявляет к нему дальнейшего интереса. Поразительным контрастом выглядит случай средневекового ремесленника, имевшего личное отношение к своей работе и видевшего оценку своих продуктов другими людьми.

ких и душевных процессов. Человека, который придерживается теории, или скорее заблуждения, о том, что тело и душа есть две совершенно разные вещи, совмещенные вместе, нелегко будет убедить в правильности холистического мышления. Принятие концепции неделимости организма в тех ситуациях, когда вам это выгодно, не означает еще, что вы «овладели» ею. До тех пор, пока холизм для вас — лишь нечто головное, и вы верите в него абстрактно, с оговорками, каждый раз, когда вы будете встречаться с психофизическими фактами, они повергнут вас в изумление и заставят искать спасения в скептицизме.

Утверждение, что человек, недостаточно хорошо чувствующий вкус пищи, проявит «недостаток вкуса» — или то, что называется «дурным вкусом» — в искусстве, одежде и тому подобных вещах, может вызвать ожесточенные споры. Без достаточного числа наблюдений сложно дать достойную оценку тому факту, что наше отношение к еде оказывает громадное влияние на разум, способность понимания сути вещей, развитие жизненной хватки и умение «вгрызаться» в насущную задачу.

Тот, кто не пользуется зубами, лишается способности обратить свои деструктивные функции себе на благо. Он ослабляет свои зубы и способствует их разрушению. Недостаточно тщательное подготавливание материальной пищи к ассимиляции отразится на структуре его характера и умственной деятельности. В худших случаях дентального недоразвития люди остаются «сосунками» на всю жизнь. Хотя нам и редко доводится встречать кого-то, кто был бы совершенным «сосунком», никогда не использовавшим свои зубы, находится множество людей, ограничивающих свою дентальную активность пережевыванием легко разжижаемой мягкой пищи или хрустящей пищи, которая позволяет зубам почувствовать себя в работе, но не требует при жевании сколь-нибудь существенных усилий.

Младенец у материнской груди является паразитом, и те, кто сохраняют это отношение в течение всей своей жизни, оказываются *неограниченными паразитами* (например, кровопийцами-эксплуататорами, вампирическими соблазнительями или золотокопателями). Они вечно ожидают получить что-то, не давая ничего взамен, не достигая необходимого взрослому человеку равновесия, не усваивая принципа «ты — мне, я — тебе».

Так как люди понимают, что с таким характером им далеко не уйти, им приходится либо скрывать его, либо косвенным образом платить за него. Таких людей можно узнать по преувеличенной скромности и бесхребетности. За столом такой *подавленный паразит* останавливается в замешательстве перед каждым поданным ему блюдом, но при ближайшем рассмотрении за скромностью очень скоро обнаруживается жадность. Он украдкой таскает сладости, пока никто не смотрит, и окружает тысячью хитростей и извинений свои всевозрастающие запросы. Положите ему в рот палец — и он отхватит руку. Малейшая оказанная им услуга раздувается до размеров самопожертвования, в награду за которое он ожидает благодарности и восхвалений. Его таланты проявляются в раздаче по большей части пустых обещаний, неуклюжей лести и услужливым поведении.

Его противоположностью можно считать *сверхкомпенсированного паразита*, который не принимает пищу как должное, но живет в постоянном бессознательном страхе голодной смерти. Его часто можно найти среди государственных служащих, которые жертвуют своей индивидуальностью и независимостью в обмен на безопасность. Он лежит у груди государства, полагаясь на пенсию по старости, гарантирующей ему пропитание до конца своих дней. Подобная же тревога побуждает многих копить деньги, еще и еще больше денег, для того чтобы проценты (молоко) с капитала (матери) натекали и натекали бы бесконечно.

Вот и все, что касается *характерологической* стороны описанной мною картины. Нахождение сокрытых в прошлом истоков болезни на сегодняшний день не гарантирует излечения. Историческое мышление просто помогает *понять* паразитический характер. Простое понимание факта своего недоразвития (появление такого «чувства», как я это называю; или перенесение из Бессознательного в Сознательное, как называет Фрейд) способно заставить пациента устыдиться этого, или же принять свой оральный характер.

Только научившись использовать свои кусательные орудия, зубы, он будет способен преодолеть свое недоразвитие. Его агрессия, таким образом, направится в правильное биологическое русло; она не будет сублимироваться, преувеличиваться или подавляться и, таким образом, придет в гармонию со всей его личностью.

Не может быть никаких сомнений в том, что человечество страдает от подавленной индивидуальной агрессии, и прев-

ратилось одновременно в своего палача и жертву высвободившейся в огромных масштабах коллективной агрессии. Предвосхищая тезис, который будет доказан позднее, я мог бы сказать: *Биологическая агрессия превратилась в паранойальную агрессию.*

Усиленная паранойальная агрессия является попыткой еще раз переварить проекции. Она переживается как раздражение, ярость или как желание разрушать или завоевывать. Она не переживается как денальная агрессия, как нечто, принадлежащее сфере пищеварения, но направляется против другого человека в качестве личной агрессии или против группы людей, служащих своего рода экранами для проекций. Люди, порицающие агрессию и вместе с тем понимающие, насколько вредно бывает ее подавлять, советуют сублимировать ее так же, как психоанализ прописывал сублимацию либидо. Но кто мог бы «защищать» сублимацию агрессии *любой* ценой?

Человек с сублимированным либидо не способен произвести на свет ребенка, с сублимированной агрессией — усвоить пищу.

Восстановление в правах биологической функции агрессии есть ключ к решению проблемы агрессии. Однако очень часто нам приходится прибегать к сублимации агрессии, обычно это происходит в случаях крайней необходимости. Если человек подавляет агрессию (которая таким образом уходит из-под его контроля), как в случаях невроза навязчивых действий, если он сдерживает свою ярость, нам приходится искать отдушину. Мы должны дать ему возможность выпустить пар. Боксирование с грушей, колка дров или занятие любым видом агрессивного спорта, вроде футбола, порою способны творить чудеса¹.

У агрессии с большинством эмоций есть одна общая цель: не бессмысленная разрядка, а, скорее, приложение

¹ Одна женщина как-то пожаловалась мне на то, что, хотя она и любила своего мужа, она всегда раздражалась, когда он приходил домой; каждую ночь между ними происходили скандалы. Я посоветовал ей мыть днем полы, и на следующий день она с гордостью похвасталась мне, что никогда еще ее полы не выглядели такими чистыми и ухоженными. Я спросил ее о муже, и она сказала: «О! Да... я совсем забыла вам сказать... вчера мы провели вместе первый хороший вечер за долгие годы». Следующий менее приятный путь сублимации агрессии являет нам судьба рабов на галерах. Удар бичом, полученный от надсмотрщика, естественно, вызывал ярость по отношению к нему, но единственным выходом для них было направить свой гнев на весла, а такое его употребление и составляло в точности цель бичевания.

энергии. Эмоции могут быть избыточным продуктом организма (т.е., у организма может появиться потребность избавиться от них), но между эмоциями и просто ненужными отходами имеется одно отчетливое различие. Организму необходимо избавиться от определенного рода отходов, таких как моча, и для него неважно, где и как это произойдет: между уриной и окружающим миром не существует биологического контакта¹. Большинство эмоций, с другой стороны, необходимо мир в качестве объекта своей направленности. Возможен выбор заменителя: например, поглаживание собаки вместо друга, поскольку нежные чувства нуждаются в разного рода контактах; но, как и другие эмоции, они не принесут удовлетворения в том случае, если окажутся бессмысленно выплеснуты наружу.

В случае сублимированной агрессии за объектом не приходится далеко ходить: проблема может оказаться крепким орешком, и вот уже сверло вгрызается в металл, зубья пилы режут дерево. Все эти занятия — прекрасные отдушину для выплеска агрессии, но они никогда не смогут сравняться с дентальной агрессией, которая служит нескольким целям: человек избавляется от раздражительности и не наказывает себя плохим настроением и голодовкой; он развивает свой разум и сохраняет при этом чистую совесть, потому что сделал что-то «полезное для здоровья».

Я утверждал, что агрессия есть *главным образом* функция пищевого инстинкта. В принципе, агрессия может быть частью любого инстинкта — возьмите, для примера, хотя бы ту роль, которую агрессия играет в преследовании сексуального объекта. Термины «разрушение», «агрессия», «ненависть», «ярость» и «садизм» используются в психоаналитической литературе почти как синонимы, и никогда нельзя сказать с определенностью, что подразумевалось: эмоция ли, функция ли это или перверзия? Хотя мы обладаем недостаточным знанием для того, чтобы давать четкие определения, тем не менее мы должны попытаться внести какой-то порядок в данную терминологию.

Когда напряжение голода усиливается, организм начинает выстраивать в боевой порядок имеющиеся в его распоряжении силы. Эмоциональный аспект этого состояния переживается вначале как раздражительность, потом как гнев и в

¹ Связь между мочеиспусканием и тушением огня, отмеченная Фрейдом, является не биологическим, а культурным феноменом.

конце концов как ярость. Ярость — это не то же самое, что агрессия, но именно в ней она находит свой выход, в иннервации моторной системы как средстве завоевания объекта потребности. После «убийства» сама пища еще требует разрушения; орудия разрушения, зубы, всегда находятся в боеготовности, но для того, чтобы совершить эту работу, требуются мускульные усилия. Садизм принадлежит к сфере «сублимированной» агрессии и, по большей части, встречаются смешанные формы с сексуальными импульсами.

Сублимация пищевого инстинкта оказывается в чем-то легче, а в чем-то и труднее, нежели сублимация полового инстинкта. Легче, потому что нетрудно найти объект для агрессии (все виды работы, в особенности ручной труд, сублимируют агрессию — неагрессивный кузнец или резчик по дереву парадоксальны). Труднее постольку, поскольку денальная агрессия всегда *требует* объекта. Самодостаточность, которая порою обнаруживается в связи с половым инстинктом, невозможна. Существуют люди, которые живут половой жизнью без какого-либо объекта в действительности и довольствуются фантазиями, мастурбацией и ночными поллюциями, но никто не может удовлетворить инстинкт утоления голода без *реальных* объектов, без пищи. Фрейд дает этому факту убедительную иллюстрацию в виде истории о собаке и колбасе¹, но и здесь он снова занимается «подыскиванием доказательств на случай», на этот раз не инстинкта утоления голода, а полового инстинкта и невозможности его фрустрирования.

Не может быть ни малейшего оправдания выделению полового инстинкта в качестве единственного объектного инстинкта. Агрессия по меньшей мере настолько же привязана к объекту, как и половое влечение, и она может точно так же как и любовь (в случаях нарциссизма или мастурбации) сделать своим объектом собственное «Я». Они могут быть «ретрофлексируются».

¹ Достаточно долго можно заставлять собаку тащить повозку, дразня ее подвешенной возле самого ее носа колбасой; но все же собаку когда-то придется накормить!

Глава 3

РЕТРОФЛЕКСИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Наши беды начались с появления Моисея. Ни одна религия не содержит такого грандиозного количества предписаний, регулирующих потребление пищи, как религия Моисея. Некоторые из них, вроде запрета на свинину, оказались впоследствии рационально обоснованы научными открытиями; но тем не менее вполне возможно, что Моисей разработал свои пищевые законы потому, что сам был большим привередой, и либо обобщил свои антипатии, либо хотел быть уверенным, что церковная десятина (10 процентов от урожая, которые получали священники) придется ему по вкусу.

Кроме того, существует иррациональный фактор, который осложняет ситуацию. Евреи различают два вида пищи: «молочную» и «мясную». Это соответствует разделению на пищу «сосунка» и пищу «кусаки», чье желание съесть свою мать должно быть остановлено. Таким образом, денальная агрессия, хоть и не запрещается в целом, строго ограничивается и регулируется, оставаясь невыраженной. Эта невыраженная агрессия, должно быть, и способствовала сопротивлению евреев своему лидеру.

Всякому привилегированному классу приходится опасться агрессии со стороны угнетаемого класса, и Моисей по праву рассматривал такую агрессию (которую он сам бессознательно подстегнул своими пищевыми установлениями) как личную угрозу. Когда напряжение агрессии подавляемого класса становится слишком сильным, правители обычно направляют ее на какого-либо внешнего врага. Они разжигают войну или находят козла отпущения в каком-то другом

классе, расе или иноверцах. Моисей, однако, использовал другой трюк: ретрофлексию. Примитивные племена молятся своим фетишам о ниспослании помощи в преодолении бедствий, и если их молитвы не приносят должного результата, фетиш выбрасывается «за ненадобностью». Древние греки вели себя подобным же образом, но их боги обладали слишком большим авторитетом для того, чтобы им можно было дать отставку и, кроме того, их было слишком много. Таким образом, если кто-то чувствовал, что один бог не оправдывал возложенных на него надежд или обманывал его, он переключался на другого и становился его клиентом. Чтобы не стать объектом такого вероломного поведения, диктатор Моисей, спроецировав свой образ на Иегову, объявил его единственным богом. Однажды он пришел в ярость, когда во время его отсутствия евреи сотворили себе бога-соперника, Золотого Тельца, бога, которого они могли увидеть и потрогать — и поклонение которому, хотя и не в открытую, совершается по сей день. Чтобы сохранить за собой лидерство, Моисей применил хитрость: ретрофлексию агрессии.

Ретрофлексия означает, что какая-то функция, которая исходно была направлена от индивидуума к внешнему миру, меняет свое направление и обращается в противоположную сторону, к ее инициатору. Ее примером может послужить нарциссист, человек, который вместо того, чтобы направлять свою любовь вовне, влюбляется в самого себя¹.

Во всех тех случаях, когда какой-либо глагол используется с возвратным местоимением, можно поискать ретрофлексию; если человек разговаривает «сам с собой», то он делает это вместо того, чтобы разговаривать с кем-то еще. Если девушка, разочаровавшись в парне, убивает «себя», то она совершает этот поступок из-за того, что желание убить его ретрофлексируется, отражаясь от стены ее совести. Самоубийство — это заменитель убийства, суицид заменяет гомицид².

¹ Психоанализ различает два вида нарциссизма: первичный и вторичный. Термин «нарциссизм» служит для обозначения того, что в психоанализе именуется «вторичным» нарциссизмом. «Первичный» нарциссизм не имеет ничего общего с поведением греческого юноши, который ретрофлектировал любовь к своей сестре-близняшке на себя. В случае «первичного нарциссизма» ретрофлексии не существует. Он совпадает с тем, что я называю сенсомоторным осознанием.

² В ретрофлексии присутствует диалектическая сложность, рассмотрением которой можно пренебречь в данной ситуации: мы будем иметь с ней дело в последней части этой книги.

Теперь мы понимаем, чего добился Моисей ретрофлексией агрессии своих последователей. Религиозный еврей не винит Иегову в своих промахах и неудачах. Он не вырывает *Его* волосы, не колотит *Его* по груди — он ретрофлексирует свое раздражение, обвиняет себя во всех своих несчастьях, сам рвет на себе волосы, бьет себя по своей собственной груди¹.

Ретрофлексированная агрессия была первой ступенью в развитии нашей паранойяльной цивилизации. В действие были пущены «вторичные средства» для достижения «итоговой выгоды» от подавления. Подавление образует порочный круг: ретрофлексированная агрессия порождает новую волну агрессии, которая снова ретрофлексируется и так далее.

Очевидно, в намерения Моисея входило избавиться от агрессии лишь постольку, поскольку она угрожала его авторитету. Однако в христианской религии этот процесс получает свое дальнейшее развитие: все инстинкты должны быть подавлены, торжественно объявляется раскол между душой и телом; тело как носитель инстинктов презирается и обвиняется в греховности. Иногда для умерщвления тела и его функций даже прописываются специальные упражнения.

В то же время совершается еще одна ошибка. Эмоциональным эквивалентом агрессии является ненависть. Вместо того, чтобы дать агрессии свободный выход, догма предположила, что ненависть можно компенсировать или даже заменить любовью; но вопреки или, возможно, благодаря этому, усиленное воспитание в духе милосердия лишь увеличило нетерпимость и агрессию. Эти эффекты не нейтрализуются любовью, они направлены против «тела» и всех, кто не согласен с тем, что истина принадлежит данной особой религии. Эта ошибка, эта вера в то, что можно нейтрализовать ненависть любовью и религией обретает в наше время повышенную значимость. Два выдающихся современных писателя, О.Хаксли и Х.Раушнинг, совершенно не представляют себе, что делать с агрессией. Они также не видят иного пути справиться с ней, кроме как с помощью идеализма, любви и религии.

¹ Если бы евреи прекратили ретрофлексировать и свою агрессию направили в первоначальное русло, они бы напали на Моисея с его Иеговой; после этого от их религии не осталось бы и камня на камне, но то же случилось бы и с их меланхолией.

После того, как агрессия подавлена, тело отвергнуто, а душа превознесена, индустриальная эра приносит с собой новые затруднения: сегодня душа рабочего уже не представляет никакого интереса для предпринимателя. Ему нужны лишь функции «тела», и особенно те, которые требуются для работы (рабочие *руки*, Чарли Чаплин в фильме «Новые времена»). Таким образом, процесс обезжизнивания прогрессирует: личность, индивидуальность умерщвляется. Этот процесс не обходит стороной и высокоспециализированных рабочих, разрушая гармонию их личности.

Все больше и больше различных видов деятельности проецируется на машину и препоручается машине, которая таким образом приобретает власть и начинает жить своей собственной жизнью¹.

Она идет рука об руку с религией и индустриализмом, объединяясь с ними ради уничтожения человечества: каждый раз, когда мы пользуемся лифтом или автомобилем, мускулы ног слегка атрофируются или хотя бы упускают шанс стать сильнее. То, что тотальное уничтожение человечества еще не произошло — это просто чудо, но нам уже довелось увидеть наглядную *до тошноты* (*ad nauseam*) демонстрацию превосходства танков и самолетов над живой силой.

Вот что мы называем прогрессом!

¹ Польза от машин (подобно пользе от религии и других проекций) более чем компенсируется их недостатками.

Глава 4

МЕНТАЛЬНАЯ ПИЩА

Результаты дентальных запретов сказываются не только на развитии характера и социальном развитии, существует еще одно их последствие: Оглупление. Без признания этого факта мы не сможем понять, почему большая часть рода человеческого не замечает разложения нашей цивилизации.

«Хотя медленно мельницы Господни мелют, чрезвычайно тонок помол их». Человек раздавлен тисками эксплуатации, вопреки всем достижениям цивилизации и вопреки всем иллюзиям, с помощью которых наша гордость «прогрессом» пытается заглушить голос «недовольных внутри цивилизации». Наше отчаяние в поисках спасения не ослабевает, мечта о восстановлении потерянного контакта с Природой остается не более чем мечтой, тогда как любую попытку найти прибежище в религии, в вере, будь то вера в коммунизм, фашизм, теософию, философию или психоанализ, рано или поздно постигает крах. Она приводит либо к возникновению противоречий внутри самих этих систем, либо к конфликту с реальностью, с коллективной деструктивностью.

Христианские религии придают вере чрезвычайную важность. Они утверждают: вера — это сила, вера — это добродетель. Критика запрещается; независимое мышление является ересью.

Как эти утверждения относятся к запретам на дентальную агрессию? Ответ на этот вопрос дает нам обряд Тайной Вечери. С помощью проекции верующий переживает галлю-

цинацию: ему кажется, что облатка является телом Христа — он проецирует свою фантазию о Христе на облатку и затем вводит (интроецирует) этот образ в себя. В некоторых церквях ему необходимо проглотить облатку, не касаясь ее зубами. Будучи раскушенной и попробованной на вкус, облатка становится обычным хлебом, банальным кусочком еды, и символическая иллюзия данной процедуры разрушается. Смысл этой церемонии состоит, по существу, в обучении проглатывать¹ все, что бы ни проповедовала религия.

Такое отношение принято не только в религии, но также и в обучении детей. От них требуют, чтобы они проглатывали всякую чепуху, вроде истории про аиста и младенцев. Неподдельный интерес зачастую встречается в штюки: «Любопытной Варваре на базаре нос оторвали». В Германии, где единственной доступной ментальной пищей является та, что поставляется правительством (в основном через радио и газеты), средний немец «загеббельсовывает»² все, что ему подают; он поглощает и впитывает нацистские лозунги и идеологию в той степени, в какой оказались ослаблены его способности пережевывать, его способность к критике. Даже тогда, когда усвоение психического материала неполно — а *liquid semper haeret* — что-то все-таки должно проникнуть в систему, особенно в тех случаях, когда это что-то представляется людям, испытавшим травматические переживания, связанные с пищей, за время последней войны или после нее.

Нацистская пропаганда понимает, что духовная пища должна быть легкоусвояемой. Ее обещания, лесть и «сласти», тешащие самолюбие, вроде «теории расы господ», проглатываются с жадностью. Агрессия и жестокость сперва «сублимируется» за счет евреев и большевиков, затем за счет малых, а в конце концов и больших наций.

На мое отношение к психоанализу оказало влияние мое собственное оральное недоразвитие. Раньше я верил в теорию либидо (особенно в райховский идеал генитального), и, не понимая ее подтекстов, я создал своего рода фаллическую религию, рационализированную и подкрепленную тем, что

¹ Игра слов в оригинале: глагол «to gulp down» означает как «жадно, быстро или с усилием глотать», так и «принимать за чистую монету» (прим. перев.).

² Неологизм Перлза отсылает читателя к фамилии фашистского пропагандиста Геббельса, которая послужила основой для образования глагола «to goebbels down», по форме и звучанию похожему на глагол «to gulp down» (см. сноску 1 данной главы) (прим. перев.).

казалось мне прочным научным обоснованием. Пережевывая психоаналитические теории и размышляя над каждым не переваренным куском, я, однако, обнаружил, что становлюсь все более и более способным усваивать ценные части и отказываться от ошибочных и искусственных построений. Поскольку этот процесс все еще продолжается, у данной книги, по крайней мере в некоторых ее частях, получился отрывочный, схематический характер. В ней могут содержаться противоречия, которые я проглядел; но раз уж этот новый подход (хотя он покрывает лишь малую толику организмических функций) уже привел к хорошим практическим результатам в трудных случаях и был встречен с энтузиазмом людьми, явно не выказывавшими признаков «позитивного переноса», я решил, что наступило время для того, чтобы привлечь внимание к необходимости «психоанализа» инстинкта голода и нарушений в усвоении психического материала.

Уровень психического метаболизма должен быть понижен в тех крайних случаях дентальной заторможенности, которой характеризуется тип людей, чрезмерно падких до сладостей, проглатывающих только самую легкую духовную пищу (типа журнальных рассказов) и неспособных к перевариванию всего, что требует размышлений или хотя бы отдаленно напоминает науку или «высоколубую» литературу. Такие люди, однако, обладают сильным инстинктом не проглатывать то, с чем они не согласны, в отличие от тех, кто заглатывает духовную пищу и чей психический «кишечник» хранит в себе непереваренные остатки. В связи с тем, что они не могут переварить, они обычно извергают их обратно, отрывая эти остатки. Двойственное значение слова «повторять» указывает на неудобоваримость такого «рвотного» материала¹.

Примером такого типа может служить средний газетный репортер. Жадный до новостей, он носится по городу, но добытые знания не идут ему впрок. Он не обогащает ими свою личность, но выплевывает их на следующий день на страницы утренней газеты. Составители компиляций часто относятся к тому же типу. Их тошнит чужим знанием, но ассимиляция, действительное «обладание» этим знанием остается на очень низком уровне. Распространение сплетен — еще один пример подобного поведения. В этом случае, однако, жен-

¹ Английский глагол «to repeat» может значить и «повторять(ся)», и «отрывать(ся)» (прим. перев.)

щина, пересказывающая последний скандал своей подруге, зачастую подливает в свои едкие замечания немалую порцию желчи.

Последние примеры не принадлежат к группе полностью обусловленных задержкой дентального развития. Они относятся к людям, пользующимся резцами, но не использующим перетирающие моляры. В их желудок попадают не большие куски, а маленькие кусочки.

Соотношение между интеллектуальным и дентальным поведением имеет огромное значение также и для психоаналитической ситуации. Частенько человек, подвергшийся анализу, рассказывает своей жене или друзьям обо всех своих интересных переживаниях. Он может полагать (и одурачить этим даже аналитика), что его поведение выдает интерес к курсу лечения, но аналитик вскоре приходит к открытию, что пациент усвоил очень мало из того, что он ему говорил. Распространяясь о деталях сеанса в разговоре с кем-то еще, пациент избавляется от всего, что он смог там осознать — усваивать уже нечего. Поэтому неудивительно, что лечение продвигается черепашьими шагами.

Наблюдения такого свойства побудили Фрейда заметить, что одних интерпретаций недостаточно, так как пациент их на самом деле не воспринимает; за исключением лозунга о «переносе», Фрейд нигде не показывает, «как» пациент воспринимает и какие факторы сопротивления мешают перевариванию этой умственной пищи. Я не нашел ни одного замечания, относящегося к деталям, от которых зависит готовность и способность пациента принять то, о чем говорит аналитик. Хотя благодаря позитивному переносу (энтузиазму), пациент оказывается лучше подготовлен к принятию интерпретаций; также верно, что его реакция будет враждебной, если аналитик скажет что-либо, ему неприятное. Данная реакция является спонтанным защитным импульсом, а не внезапным возникновением «негативного переноса».

Каждому человеку трудно принять толкования, относящиеся к его подавленному Бессознательному, то есть к тем областям личности, осознания которых люди стремятся избежать любой ценой. Если бы это было не так, подавление и проекции оказались бы не нужны. Таким образом, требовать от пациента принятия того, чего ему хотелось бы избежать, парадоксально. Метод Райха, состоящий в попытках заставить пациента узнать истину путем концентрации на «бронне», определенно прогрессивен. Однако его прогрессивность в

значительной мере сходит на нет в связи с тем, что интеллектуальная пища буквально запихивается пациенту в рот, а аналитик высмеивает и даже запугивает его. Отметая оральные сопротивления и заставляя пациента проглатывать идеи, которые он сможет переварить, его склоняют к искусственным отношениям и неестественным поступкам вместо того, чтобы стимулировать естественное развитие личности. Мне случалось наблюдать этот факт на примере двоих бывших пациентов Райха.

В противоположность Райху, *ортодоксальный* психоаналитик делает вид, что он ничего не требует от пациента, но на самом деле он требует невозможного — а именно, согласия с основным правилом и принятия его интерпретаций. Мой совет состоит в том, чтобы иметь дело, по мере возможности, не с Бессознательным, а с Эго. Как только достигается улучшение функционирования Эго и восстанавливается способность сосредотачиваться на чем-то, пациент с большей охотой согласится сотрудничать в покорении Бессознательного. Готовность, с какой человек учитывает утверждения другого человека, зависит во многом от его орального развития и свободы от оральных сопротивлений.

Простейшая форма орального сопротивления — прямое избегание. Дети плотно закрывают рот, когда их просят съесть что-нибудь невкусное, или закрывают уши руками, когда не хотят слушать. Взрослые обычно более опытни в том, что касается вежливости и лицемерия, часто бывает сложно различить, когда они на самом деле не заинтересованы (отсутствие ментального аппетита; не образуется фигура на фоне), а когда просто подавляют возможный интерес. Такими сдерживаниями контакта являются: игнорирование присутствия других; блуждание мыслей; вежливое, но безразличное слушание; притворный интерес; навязчивая склонность противоречить. В повседневной жизни часто можно услышать следующее замечание: «Что вы сказали? Я Бог знает о чем задумался! Пожалуйста, повторите еще раз». Тако-го не происходит, если у человека имеется интерес, если тема пришлась ему по вкусу.

Никто не посылает сообщений, если не уверен, что они дойдут до адресата. Как может аналитик быть уверенным, что до пациента, который все время повторял «да, да», дошло его послание — например, интерпретация? Для того, чтобы возбудить здоровый интеллектуальный аппетит и добиться ассимиляции, нам придется перестроить пациента; мы долж-

ны изменить «неправильное» отношение к физической пище и пище для ума. Но чтобы исправить «неправильное» отношение, необходимы:

(1) Противопоставления его «правильному».

(2) Понимание того, что термин «правильное» мы относим к хорошо знакомому, а незнакомое именуем «неправильным» (Ф.М.Александр). Наше осознанное чувство обычно не правильно, но справедливо. Фаза так называемого «негативного переноса» совпадает по времени с нежеланием пациента или ученика расстаться со своими привычными мыслями и чувствами. То, что говорит аналитик или учитель на данной стадии, кажется ему «неправильным».

(3) Отток «энергий» и фиксаций от «неправильного» и расчистка путей для «правильного» поведения.

С мнением, противоположным собственному убеждению, соглашаются редко; это легко заметить в любой дискуссии. Поэтому я не считаю само собой разумеющимся, что пациент соглашается с моими словами, но считаю своим долгом уделять *оральным* сопротивлениям не меньше внимания, чем обычно уделяется *анальным*. На мой взгляд, во многих случаях было бы плохой аналитической техникой сказать пациенту несколько предложений только в конце сеанса, оставляя на волю случая, признает ли пациент правильность выводов и интерпретаций аналитика. Верно и то, что, если в течение целого часа подвергать пациентов интеллектуальному голоданию, некоторые захотят услышать, что же все-таки скажет аналитик, но те, кого можно лечить по такому ускоренному методу, являются исключениями из правила. В большинстве случаев приходится внимательно следить за *оральными* сопротивлениями и уметь отличать безнадежную ситуацию полного отсутствия интереса от перспективной, когда интерес пациента просто сдерживается. Если я замечаю, что мысли пациента блуждают, я прошу его повторить то, что я сказал. Он вскоре осознает свою невнимательность и неконтактность; взявшись за дело с терпением, можно побудить его восстановить в памяти кусочки и обрывки, вспомнить услышанные вполуха предложения и пересказать их по-новому. С помощью этого метода он может сохранить большую часть материала, который в противном случае был бы им утерян. Как только пациенты осознают свою невнимательность, начинается процесс излечения их «плохой памяти».

С другой стороны, если мы имеем дело с сопротивлением сопротивлению — если, к примеру, пациент *заставляет*

себя слушать, как студент на скучной лекции, — для него это будет мукой и принесет мало пользы, поскольку материал был воспринят без особой охоты. Аналитик должен иметь четкое представление о пищеварительной толерантности пациента и соответственно осуществлять дозировку ментальной пищи и лекарства. «Сладости», например похвала, употребленная к месту, окажется полезна для того, чтобы показать пациенту, что его искренние усилия в трудной ситуации высоко ценятся (адлеровское одобрение). Иногда пациента настолько перекармливают психоаналитической мудростью, что он оказывается сыт ею по горло, начинает испытывать к аналитику отвращение и уходит от него. Впоследствии может иметь место чудесное улучшение, которое нередко относится на счет обстоятельств, не связанных с психоанализом. На самом деле здесь происходит то, что «накопившийся» материал позднее ассимилируется, и человек все-таки обретает знание, но уже самостоятельно: аналитический курс позволил бывшему пациенту самому разрешить свои конфликты.

Оральным сопротивлением, хорошо знакомым аналитику, является интеллектуальное сопротивление. Пациент соглашается со всем, что говорит аналитик, очень интеллигентно и с готовностью поддерживает разговор об аналитических теориях — о своих инцестуальных желаниях, анальном комплексе и т.д. Он выдаст аналитику столько детских воспоминаний, сколько тому заблагорассудится, но все они «продуманы», а не «прочувствованны». Интеллектуальный «желудок» у этого типа напоминает рубец у коровы. Мудрость, пусть и пережеванная как жвачка, не проникает сквозь стенки кишечника и так и не доходит до тканей организма как такового. Ничто не усваивается, ничто не достигает личности — все хранится в умственном рубце — в мозгу. Такая жажда знаний обманчива. Эти интеллектуалы могут проглотить все, что угодно, но они не развивают в себе индивидуального вкуса, способности высказывать собственное мнение; они всегда готовы уцепиться за тот или иной «изм» как за свою любимую пустышку (см. главу 6). Они переключаются с одной умственной «пустышки» на другую не потому, что уже усвоили содержание одного «изма» и готовы к приему новой пищи для ума. Старая «пустышка» опротивела им скорее всего из-за того, что они в ней разочаровались, и они хватаются за очередной «изм» с иллюзорной надеждой, что новая «пустышка» окажется более приемлемой.

Когда они излагают свои пустые теории, аналитик должен заставить их детально объяснить, что же они на самом деле имеют в виду. Более того, он должен привести их в замешательство, заставив почувствовать контраст между сложностью их фраз и малостью вложенного в них смысла. Только в том случае, если они научатся пережевывать и пробовать на вкус каждое произносимое ими слово и в то же время почувствуют, как неразмельченные кусочки еды, настоящей еды, идут вниз у них по горлу, есть надежда, что они поймут или ассимилируют, что означают эти «измы».

Только те, кто перемалывает свою ментальную еду очень тщательно, так что они могут ощутить ее полную ценность, могут ассимилировать и получить пользу от сложной идеи или ситуации. Любой получит гораздо больше для своих знаний и интеллекта, прочитав одну хорошую книгу шесть раз, чем читая шесть хороших книг одновременно. Прожевывание можно отнести и к критике: если человек обидчив и его денальная агрессия проецируется, любое критическое мнение переживается как нападение, то это часто заканчивается неспособностью выдерживать даже благосклонную критику. Когда же денальная агрессия функционирует биологически, человек не остерегается, критика даже приветствуется. Человек немного может узнать из любезной похвалы, но из критики можно извлечь нечто конструктивное, преобразовав даже самое неуважительное нападение в свою пользу. Критику никогда не следует ни отвергать, ни проглатывать, ее надо разжевывать тщательно и в любом случае принимать во внимание.

Глава 5

ИНТРОЕКЦИЯ

Те, кому я демонстрировал важность анализа инстинкта голода — структурное сходство стадии развития потребления пищи и ментальной абсорбции мира — были удивлены, что Фрейд упустил из виду этот момент. В сравнении с открытыми Фрейдом подтекстами и сложностями сексуального подавления это представляется менее значимым. После полного анализа одной группы инстинктов рано или поздно должен был последовать анализ других групп инстинктов. Материал, которым располагал Фрейд для построения своих теорий, был скуден и несовершенен (например, ассоциативная психология). Хотя я полагаю, что теория либидо устарела, я не настолько слеп, чтобы не замечать, что она явилась важнейшим шагом в развитии психопатологии, и что если бы Фрейд не сосредоточился на ней, психоанализ, может быть, так и не зародился бы.

Многие люди, рассчитывающие добиться интеграции своего мировоззрения путем изучения объективного и субъективного мира человека, пытаются построить свою философскую систему на двух столпах: марксизме и фрейдизме. Они пытаются навести мосты между двумя этими системами, но упускают из виду, что экономические проблемы, которыми занимался Маркс, проистекают от инстинкта самосохранения. Несмотря на полное осознание базовых потребностей человека в питании, одежде и жилище, Маркс не отследил до конца то, что стояло за пищевым инстинктом так, как это сделал Фрейд.

с сексуальными импульсами. Сфера исследований Маркса включала в себя главным образом социальные отношения.

В коммунистической и социалистической литературе о сексуальных потребностях и проблемах — об инстинкте продолжения рода — говорилось мало по сравнению с тем, что было написано о проблеме питания: голодании, самосохранении или воспроизводстве рабочей силы. Фрейд сексуализировал инстинкт утоления голода, а коммунизм прошел период, когда сексуальные проблемы рассматривались так, «как если бы» они принадлежали к кругу проблем, связанных с голодом (теория «стакана воды»), точно так же, как многие люди в нашей цивилизации говорят о сексуальном аппетите и тем самым смешивают половой инстинкт и пищевой инстинкт.

Психоанализ марксизма оказывает настолько же мало влияния на спорные экономические вопросы, насколько марксистское обозначение психоанализа как продукта буржуазного идеализма умаляет ценность фрейдовских открытий. Заявление Райха о том, что комплекс кастрации является механизмом, с помощью которого держатся в подчинении угнетаемые классы, так же произвольно, как утверждение, что в бесклассовом обществе неврозы исчезнут автоматически.

Маркс был в некотором смысле предшественником Фрейда: «Маркс обнаружил простой факт (прежде скрытый под идеологической коростой), что люди должны иметь возможность нормально есть, пить, иметь одежду и кров над головой, прежде чем они смогут интересоваться политикой, искусством, наукой, религией и тому подобными вещами. Под этим подразумевается, что уровень производства товаров первой необходимости определяет уровень жизнеобеспечения и вместе с тем существующую фазу развития нации или эпохи, закладывает фундамент, на котором зиждутся государственные институты, официальная точка зрения, художественные и даже религиозные идеи. Имеется в виду, что последние должны быть объяснены через первые, в то время как обычно первые объявлялись проистекающими из последних» (Ф.Энгельс).

Это является общим основанием для Фрейда и Маркса: потребности человека (у Фрейда это инстинкт сохранения рода, у Маркса — инстинкт самосохранения) для них первичны; интеллектуальная надстройка определяется биологической структурой и потребностью в удовлетворении двух указанных групп инстинктов.

Хотя известно, что некоторые войны, например Троянская война, начались по либидозным причинам, большинство их велось за охотничьи угодья и другие источники пищи; в новое время — для того, чтобы «накормить» сырьем промышленность или удовлетворить ненасытную жадность ужасных завоевателей.

Отношение Фрейда к коммунизму было враждебным, по крайней мере в продолжение одного периода его жизни. В русской революции он видел прежде всего разрушение. Он питал отвращение к разрушению, что подтверждается его специфической теорией смерти, равно как и его любовью к археологии. Прошлое для Фрейда не должно оставаться в прошлом, а должно быть спасено и возвращено к жизни. Прежде всего это отвращение к разрушению проявилось в его отношении к *интроспекции*.

* * *

Фрейд несомненно совершил ценнейшие открытия, касающиеся интроспекции, как, например, меланхолию, которую он понимал как безуспешную попытку уничтожения интроспектированного объекта любви. Однако, также как и Абрахам, он утверждал, что интроспекция может быть нормальным процессом. Он проглядел тот факт, что *интроспекция означает сохранение структуры внедренных в психику объектов, в то время как организм требует их разрушения*. Психиатрия рассматривает интроспекцию как часть нормального психического метаболизма. Я же полагаю, что эта теория, принимающая патологический процесс за здоровый, в корне ошибочна. Интроспекция — вдобавок к той роли, которую она играет в формировании совести, меланхолии и т.д. — часть *параноидного псевдометаболизма*, и в любом случае противоречит потребностям личности.

Возьмем в качестве примера Эго. Согласно Фрейду, в норме Эго формируется в результате ряда идентификаций. Хелен Дойч, по поразительному контрасту, считает, что природа идентификации Эго *патологична*, и даже настаивает, что идентификации могут аккумулироваться до такой степени, что подобные «как бы»-личности (которые быстро, но поверхностно принимают на себя ту роль, которая соответствует ситуации) не могут успешно пройти психоанализ. У меня, однако, имеются доказательства того, что «как бы»-личность доступна анализу, если подходить к этой проблеме не с позиции теории либидо, а с точки зрения психической ассимиляции.

Заглатывание мира происходит в три следующие фазы: *полная интроекция*, *частичная интроекция* и *ассимиляция*, соответствующие фазам «сосунка», «кусаки» и «жевуна» (преддентальной, резцов и коренных зубов). В случае, изображенном на рис. 4—6, отношения между атакующим субъектом и атакуемым объектом просты.

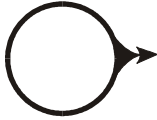

Рис. 4

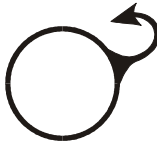

Рис. 5

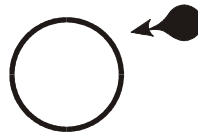

Рис. 6

На рис. 4 мы видим прямую агрессию, которая подвергается ретрофлексии на рис. 5 (т.е. саморазрушение). На рис. 6 агрессия проецируется: нападающий и жертва очевидно поменялись местами; нападающий испытывает страх вместо желания нападать.

Сложности возникают тогда, когда мы начинаем принимать во внимание

ПОЛНУЮ ИНТРОЕКЦИЮ

У представителя преддентальной группы — ведущего себя так, «как будто у него нет зубов» — интроецированный личность или материал остаются нетронутыми, как чужеродное тело внутри организма. Объект проглочен. Он избежал контакта с агрессивными зубами, как показано на примере евхаристии. Образ поглощен более или менее *in toto*.

Рис. 7

Рис. 8

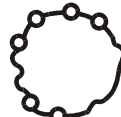

Рис. 9

(а) При меланхолии (рис. 7) порыв к нападению нацелен на интроецированный объект. Он ретрофлексируется, отражается от реальной пищи (лень пользоваться челюстными мускулами; часто встречается пониженный тонус мышц лица).

(b) Если человека грызет суровая совесть (рис. 8), агрессия проецируется на интроецированный объект. Совесть обрушивается на те личностные структуры, которые вызывают ее неодобрение; атаки колеблются в пределах от легких укулов до жесточайшего наказания. «Эго» отвечает раскаянием и чувством вины. Немецкое слово «Gewissensbiss» (испытывать угрызания совести) отражает оральное происхождение совести так же, как и английское — «remorse»¹ (смертельный укус).

(c) В случае с «как бы»-личностями (рис.9) агрессия или любовь проецируются на ту личность, которая впоследствии интроецируется. С помощью этого «как бы»-личность избегает страха нападения и поддерживает благожелательность окружающего мира. Движущие силы, вовлеченные в этот процесс, слишком сложны для того, чтобы заниматься ими в данном контексте.

В трех последних примерах «интроект» не растворяется. Результатом этого является временная или постоянная фиксация; поскольку разрушения избегают, а ассимиляция не имеет места, ситуация остается по необходимости незавершенной.

ЧАСТИЧНАЯ ИНТРОЕКЦИЯ

Частичная интроекция относится к стадии «кусаки», и Фрейд считает ее нормальной. Здесь интроецируются лишь некоторые личностные структуры. Например, если некто говорит с оксфордским акцентом, а его друг ему завидует, то последний может подражать этому акценту, но не всей его речи. Судить об этом, как о здоровом развитии Эго, было бы парадоксально. Оксфордский акцент ни в коем случае не может являться выразителем истинного «я» друга. «Эго», построенное из содержаний, из интроекций, есть конгломерат — чужеродное тело внутри личности — также как и совесть или утраченный объект в случае меланхолии. В любом случае мы обнаруживаем в организме пациента инородный, неассимилированный материал.

¹ Словарь дает нам следующие значения этого слова: 1) угрызение совести; раскаяние; 2) сожаление, жалость. Вероятно, имеется в виду латинский корень «mors» («смерть»), содержащийся в данном слове (прим. перев.)

АССИМИЛЯЦИЯ

Психоанализ невнимателен к дифференциации дентального периода, и вследствие этого развитие полной и частичной фаз интроекций не прослеживается до состояния ассимиляции. Вместо того, чтобы обратить внимание на эту важнейшую черту, присущую всему живому (скотому), психоаналитическая теория переключается со рта на анус. Ван Офуйсен был первым, кто увидел, что анально-садистская стадия уходит корнями в оральную агрессию, подобно тому, как Фрейд первым понял, что анус перенимает многие свои функции у рта. Однако рот не перестает ни функционировать, ни развиваться с началом того, что Фрейд назвал анальной стадией. Источником агрессии не служит ни зона ануса, ни какой-то инстинкт смерти. Предполагать, что оральная агрессия — лишь переходная стадия в развитии внутреннего мира индивидуума, все равно что утверждать, что у взрослых не существует дентальной агрессии.

Любая интроекция, полная или частичная, должна пройти через мельницу перетирающих моляров, чтобы не стать или не остаться инородным телом — мешающим изолированным фактором внутри нашего организма. Я собираюсь позднее доказать, что то же самое «Эго» должно быть не конгломератом из интроекций, но *функцией*, и чтобы достичь надлежащего функционирования личности, необходимо растворить, разложить химически такое субстанциональное «Эго», реорганизовать и ассимилировать его энергии, так же как Райх находит лучшее применение энергиям, поддерживающим мышечную броню.

Аварийные действия, типа тошноты или диаретической дефекации неиспользованных остатков пищи, не способствуют развитию личности. Психоаналитический эквивалент этого, катарсис, был отставлен в сторону, как только выяснилось, что успех катарсиса так же кратковременен, как и интроективное лечение гипнозом¹. Одним из моих самых трудных случаев было лечение пожилого мужчины, страдавшего желудочным неврозом и параноидной манией ревности. Он испытывал глубокое удовлетворение от чистосердечного признания во всем том, что с ним приключалось. Он посто-

¹ Многообещающие свойства анализа с применением наркотиков не должны обманывать нас. Он представляет из себя исключительно лечение симптомов и не может принести каких-либо постоянных личностных изменений.

янно накапливал и продуцировал всевозможный патологический материал и чувствовал громадное облегчение, когда мог просто исповедаться и высказать свою проблему. Но когда я остановил его и заставил пережевать «жвачку» воспоминаний, он заупрямился. Излечение продвигалось вперед очень медленно и зависело от того объема агрессии, который нам удавалось высвободить и направить на пережевывание. Одновременно, как и следовало ожидать, уменьшилась его глупость, которая прежде не укладывалась ни в какие рамки.

Если утверждение Фрейда, что невротик страдает от воспоминаний, принимается не как объяснение невроза, а как указание на симптом, мы начинаем понимать, насколько велика (хотя и ограничена) ценность классического анализа. Если попытаться справиться с тем непережеванным мусором, который мы несем с собой из прошлого, со всеми незавершенными ситуациями и нерешенными проблемами, недовольствами, непоплатенными долгами и притязаниями *по частям, несогласованно*, то нам предстоит геркулесов труд по очистке авгиевых конюшен от непретворенных в жизнь ответных действий (мести и благодарности). Однако эта работа станет намного проще, если вместо того, чтобы заниматься каждым вопросом по отдельности, мы восстановим организмическую ассимиляцию *целиком, раз и навсегда*. Это окажется возможным лишь тогда, когда мы примем в расчет психический метаболизм и станем относиться к психическим содержаниям так же, как к материальной пище. Нам не следует успокаиваться на переводе психического материала из бессознательного в сознание, на вызывании «рвоты» находившимся в бессознательном материалом. Мы должны настаивать на его вторичном «обращении в прах» для подготовки к ассимиляции.

Если это годится уже для частичной интроекции, то для полной интроекции или задержки дентальной агрессии это оказывается еще более приемлемым. Использование зубов для разрушения при меланхолии (и в других случаях полной интроекции) настолько заторможено, что оставшаяся без применения агрессия направляется на саморазрушение индивида. Контакт с любым интроецированным материалом обычно бессильно агрессивен, что проявляется в злобности, ворчании, придирках, беспокойстве, жалобах, раздражении, «негативном переносе» или враждебности. Это в точности соответствует неиспользованному потенциалу разрушения

материальной пищи: это искаженное приложение † в психическом метаболизме.

Меланхолия чаще всего становится фазой маниакально-депрессивного цикла. В маниакальный период несублимированная, но денально заторможенная агрессия не ретрофлексируется, как при меланхолии, но посредством сильнейших вспышек направляется во всей своей прожорливости против мира. Частым симптомом циклотимии является дипсомания, которая, с одной стороны, оказывается цеплянием за «бутылку», а с другой — средством саморазрушения.

В ходе лечения интроецированный материал разделяется, раскалывается и видоизменяется, становясь готовым к усвоению, что идет на пользу развитию личности, а образующийся эмоциональный излишек может получить разрядку или применение. В психоаналитической терминологии: вспоминание обладает терапевтической ценностью только тогда, когда сопровождается эмоциями.

Повышенному психическому метаболизму сопутствуют повышенный уровень кислотности и кишечной деятельности, а также возбуждение, которое может обернуться тревогой при недостаточном поступлении кислорода. Пониженный уровень метаболизма характеризуется депрессией, недостаточным притоком пищеварительных соков, сухостью во рту и аспастическим запором.

Открытие феномена интроекции произошло сравнительно недавно, но фольклору он хорошо известен еще с незапамятных времен. Сказочные персонажи имеют более-менее устоявшееся символическое значение. Фея означает добрую мать, ведьма или мачеха — злую. Лев символизирует власть, лиса — хитрость. Волк является символом жадности и интроекции. В истории про Красную Шапочку волк интроецирует бабушку, копирует ее, ведет себя так, «будто бы» он был ею, но его истинная натура вскоре разоблачается маленькой героиней.

В менее известной сказке братьев Grimm волк проглатывает семерых детей. Детей спасают, а вместо них дают волку камешки — действительно хороший символ для обозначения непережевываемости интроекта.

В обеих историях интроецированные объекты, несмотря на то, что проглочены, не ассимилируются, но остаются целыми и невредимыми. Или все-таки права теория либидо, и волк совершенно не был голоден, а просто влюблен в бабушку?

Глава 6

КОМПЛЕКС ПУСТЫШКИ

Вероятно, наиболее интересным из всех оральных сопротивлений можно считать «пустышечное» отношение. Хотя наши познания этого явления все еще ограничены, достаточное количество наблюдений оправдывает их публикацию. Открытие «комплекса пустышки» пролило свет на целый ряд неясностей, возникающих в ходе анализа, и я надеюсь, что как только оно будет проверено другими аналитиками, оно еще не раз сделает свой вклад в исследования, особенно касающиеся вопроса фиксации.

Для того чтобы разобраться в «пустышечном» отношении, необходимо снова вернуться к грудничку и к тем трудностям, которые возникают у него при переходе к стадии кусания. Основной род деятельности грудничка сводится к присасыванию, которое не является ни «прокусыванием насквозь», ни откусыванием от груди кусочка, но обеспечивает *конфлюэнцию* между матерью и ребенком. Таким образом, только начало процесса кормления представляет какие-либо сознательные затруднения; как только младенец превратил свой рот в вакуумный насос и молоко начинает течь, от него не требуется никаких дальнейших усилий. Регуляция движений младенца осуществляется на подкорковом, подсознательном уровне, и по ходу кормления ребенок постепенно засыпает. Только через несколько недель после рождения можно наблюдать другие виды сознательной деятельности, связанные с процессом кормления, вроде сознательного выталкивания соска изо рта или сознательных сосательных движений.

Конфликт может возникнуть, когда у ребенка начнут расти зубы. Если молока течет недостаточно, то Эго подталкивает ребенка к мобилизации всех имеющихся в его распоряжении средств для достижения удовлетворения, что подразумевает использование окрепших десен и попыток кусать. Любая фрустрация на этой стадии, любое отлучение от груди без немедленной замены жидкой пищи более твердой приведет к дентальной задержке. У ребенка появится впечатление, что попытки укунуть не восстанавливают равновесие, а скорее наоборот — еще более нарушают его, и, следовательно, к вырабатываемому молоку объекту необходим подход ни в коей мере не отличающийся от того, что был раньше. *Различения на грудь, которая должна оставаться нетронутой, и пищу, которую надо кусать, жевать и разрывать, не происходит.*

Эта ранняя дентальная задержка ведет к развитию двух определенных черт характера: присасывающемуся отношению (фиксации) с одной стороны, и «пустышечному» отношению — с другой.

Люди, обладающие этими свойствами, цепляются за человека или вещь и думают, что этого окажется достаточно для того, чтобы «молоко потекло» само по себе. Они могут приложить громадные усилия для того, чтобы заполучить кого-то или что-то, но как только они этого добиваются, то сразу же расслабляются. Они пытаются упрочить любые отношения на самых первых порах; поэтому у них могут быть сотни знакомств, но ни одно из них не перерастает в настоящую дружбу. Что касается сексуальных отношений, то в них происходит лишь завоевание партнера, а затем завоеванные отношения быстро становятся неинтересными, наступает равнодушие. Наблюдается поразительное различие в отношении к партнеру до и после свадьбы. Пословица гласит: «Женщины могут плести сети, но не строят клеток».

В подобных случаях отношение к работе и к учебе страдает по тем же причинам. Они знают кое-что обо всем, но не могут добиться ничего, что требовало бы каких-то особых усилий. Им достается в основном рутинная, автоматическая (механическая) работа, не требующая творческой жилки. Короче говоря, их целью остается, как и у младенца, успешное присасывание, которое восстанавливает равновесие и избавляет от необходимости дальнейшего труда (кусания).

Но во взрослой жизни присасывающееся отношение может привести к полному успеху лишь случайно. В большин-

стве случаев приходится устанавливать настоящий контакт — справляться с насущными задачами, «вгрызаться» в них, продолжать сохранять интерес и работоспособность в течение определенного промежутка времени — с тем, чтобы извлечь какую-то пользу для своей личности.

Как люди справляются с недостатками цепляющегося, присасывающегося отношения? Как им удается обойти необходимость кусания? Как они могут избавиться от излишней агрессивности, которая неизбежно возникает из-за неудовлетворенности отношением (чувство обиды), без опасности (как они это чувствуют) вызвать изменения и разрушения?

Если существует фиксация на инфантильном отношении, мы можем ожидать, что способы, посредством которых оно поддерживается, в равной степени инфантильны. Фрустрированный и неудовлетворенный ребенок ищет (и иногда ему даже дают) соску, что-то неразрушимое, то, что можно кусать без неприятных последствий. Пустышка позволяет разрядить определенную долю агрессивности, но кроме этого она не производит в ребенке никаких изменений; то есть не кормит его. Соска представляет собой серьезную помеху развитию личности, поскольку в действительности она не утоляет агрессию, а отводит ее от биологической цели, состоящей в утолении голода и восстановлении личностной целостности.

Все, что окажется у ребенка под руками, может служить в качестве соски: подушка, плюшевый медвежонок, кошачий хвост или собственный большой палец. В более поздние годы любой объект может быть «думмифицирован»¹, уподоблен пустышке, стоит лишь применить к нему «присасывание». В подобных случаях индивидуум живет в смертельном страхе, что «пустышка» трансформируется в «реальную вещь» (исходно это грудь) и что присасывание может обернуться «первым укусом». Он боится, что объект фиксации может быть уничтожен. Данный объект может быть человеком, принципом, научной теорией или фетишем. В то время пока я пишу эту книгу, англичане испытали сильное огорчение, потому что им пришлось от одной из таких идей отказаться. Идея линкора была неоценена. Линкор стал для них фетишем, но на практике он представляет собой лишь очень дорогую и неуклюжую безделушку, пригодную только «для того, чтобы быть потопленной», как выразился известный политик.

¹ В данном случае мною был выполнен «побуквенный» перенос глагола «to dummify» («делать похожим на соску»), являющегося «изобретением» Перлза, в русский научный лексикон (*прим. перев.*).

Парламентские дискуссии часто думмифицируются (и даже мумифицируются). Вместо того, чтобы претворять в действия, идеи заговаривают до смерти и дела оказываются в тупике в результате того, что комиссия отфутболивает их в подкомиссию, а та — в другую подкомиссию. Вместо прогресса и интеграции наступает застой, состояние дел, в возникновении которого наибольшая заслуга принадлежит склонности к бесконечным разговорам, желанию сохранить все как оно есть, нетронутым. Существующая система ни при каких обстоятельствах не должна быть разрушена; пустышка или фетиш должны быть сбережены.

Пустышка как объект, остающийся в целостности и сохранности, служит идеальным экраном для проекции стремления индивидуума к целостности. Чем больше холистических функций проецируется, тем больше вероятность того, что они окажутся потерянными для построения личности, тем сильнее будет дезинтеграция и тем заметней опасность развития шизофрении. Однако до тех пор, пока действительность обеспечивает соску, она служит очень важной цели: не дать индивиду соскользнуть в состояние паранойи (экстенсивное проецирование агрессии), занимая его пусть и непроизводительной, но реальной деятельностью.

Но, как в случае обсессивного характера, все попытки сохранить вещи в исходном состоянии обречены на неудачу. Недостаток изменений, то есть отсутствие такого приложения агрессивности, которое пошло бы на пользу целостности личности, приводит к ее распаду, действуя таким образом вопреки своей собственной цели. Только с помощью возвращения деструктивного стремления обратно на пищу, равно как и на все, что служит препятствием к достижению личной целостности, восстановления в правах успешной агрессии, возможна реинтеграция обсессивной и даже параноидальной личности.

Вряд ли найдется хоть что-то, что не могло бы послужить в качестве пустышки, пока Эго помогает избежать перемен в действительности. Возьмите для примера навязчивые мысли, которые могут преследовать пациента часами, занимая его сознание, и не приводить ни к каким решениям или выходам (хроническое сомнение). Возьмите сексуальный фетишизм, фиксацию человека, например, на женских панталонах или туфельках в качестве защиты от реального полового контакта. Возьмите мечтателя, предпочитающего свои фантазии «реальной вещи». Далее, возьмите хотя бы тех пациентов, кото-

рые продолжают посещать психоаналитика год за годом и воображают, что одно их присутствие на сеансах является достаточным доказательством намерения изменить свое отношение к жизни. На самом деле, они лишь меняют одну «пустышку» на другую, и как только аналитик затрагивает какой-либо существенный комплекс, пациент обычно ухитряется избежать потрясения благодаря собственной думмификации, «опустышечивания» себя.

Крайний случай такого рода представлял пациент, который всякий раз, когда ему приходилось сталкиваться с жизненными затруднениями, становился совершенно одеревеневшим. Он чувствовал себя так, будто он кукла, и все его жалобы, весь его интерес был сосредоточен на своей «пустышке» — собственной мумифицированной личности. Другой пациент в любой затруднительной ситуации продуцировал навязчивую идею, воображая, что сквозь его тело проходят ножи, не вызывая боли или кровотечения. В своей фантазии он превращался в идеальный манекен, которому была нипочем любая вспышка агрессии. В иных случаях люди просто начинают ощущать сонливость или вялость всякий раз, когда замечают грозящую «опасность».

Классическая психоаналитическая ситуация, когда пациент почти не осознает присутствия аналитика, особенно подходит для думмификации. Здесь пациента действительно поощряют к тому, чтобы рассматривать ситуацию анализа не как «реальную» и аналитика не как «реального» человека; таким образом взаимоотношения между аналитиком и пациентом становятся целиком «нереальными», то есть чем-то таким, что само по себе не имеет смысла и последствий. Любая эмоция или реакция интерпретируются как проявление «переноса», другими словами, как что-то не относящееся непосредственно к данному моменту и данной ситуации. Итак, аналитическая ситуация предстает идеальной «пустышкой», которую ищут все обладатели obsessивных и параноидальных характеров. Это относится и к фиксации на анализе тех пациентов, которые способны продолжать годами ходить к аналитику, не обращая внимания — или, скорее всего, именно поэтому — на безуспешность этого занятия.

Глава 7

ЭГО КАК ФУНКЦИЯ ОРГАНИЗМА

(а) ИДЕНТИФИКАЦИЯ / ОТВЕРЖЕНИЕ

Когда мы пытаемся применить на практике полученные ранее выводы, мы встречаем очевидное противоречие: утверждение, что здоровое Эго не имеет субстанции, расходится с моим требованием, что аналитику следует иметь дело с Эго, а не с Бессознательным. Противоречие снимется, если мы подыщем для этого требования подходящее выражение: аналитику следует заставить работать функцию Эго вместо того, чтобы призывать к Бессознательному.

Функция легких состоит главным образом в газо- и парообмене между организмом и окружающей средой. Легкие, газы и пар — вещи конкретные, но сама функция абстрактна и все же реальна. Эго, как я подчеркиваю, также является функцией организма. Это не вещественная его часть, а скорее функция, которая прекращает действовать, например, во время сна или комы и для которой невозможно найти никакого физического эквивалента ни в мозгу, ни в любой другой части организма.

Концепция Эго как субстанции довольно широко распространена в среде психоанализа. Приведу один пример: Штерба рассматривает лечение психоанализом как создание изолированных островков Эго, которые с течением времени должны будут объединиться в одно прочное и надежное целое.

Другой аналитик, Федерн, также утверждает субстанциональность Эго. На его взгляд, Эго состоит из таинственного материала под названием «либидо». Либидо, вдобавок к тому, что может занимать образы и эрогенные зоны, питать энергией различные виды деятельности и быть представителем объектных инстинктов, теперь наделяется способностью расширяться и сжиматься. В то же время дуалистическая концепция либидозных объектных инстинктов, противопоставленных инстинктам Эго, благополучно забыта. Несмотря на теоретическую путаницу, в наблюдениях Федерна присутствует ценное ядро: его либидозное Эго имеет изменчивые границы. Отказавшись от теории либидо, мы увидим, что идея границ Эго может существенно помочь нам в понимании его.

Два утверждения Фрейда увеличивают путаницу: (а) Эго отделяется от Бессознательного; (б) Бессознательное содержит в себе подавленные желания. Если желание подавляется, оно должно было быть достаточно сильным для того, чтобы заявлять от имени Эго («Я» хочу...). Противоречие разрешается, однако, как только мы начнем понимать, что существует два вида Бессознательного: биологическое Бессознательное (в том смысле, в каком это имел в виду философ Гартман) и психоаналитическое Бессознательное, состоящее из прежде сознательных элементов. Мы можем теперь заключить: Эго отличается от биологического Бессознательного, но из этого следует, что определенные аспекты Эго оказались подавленными и сформировали психоаналитическое «Бессознательное». Принадлежность последних к Эго очевидна для наблюдателя, но не для пациента. Когда, к примеру, страдающий неврозом навязчивости человек говорит: «В глубине души у меня имеется смутное чувство, что я могу испытать импульсивный порыв, в результате которого с моим отцом, который мне совершенно не нравится из-за его дурных привычек, приключится какая-нибудь беда!», он первоначально подразумевает под этим: «Я хотел бы убить этого борова».

Фрейд пишет далее об Эго, что оно управляет моторной системой. Это утверждение указывает на то, что Эго не тождественно личности в целом. Если «Я» отдает приказание моторной системе, оно должно отличаться и находиться в стороне от нее: генерал, возглавляющий армию, является ее частью, но отделен от остальной армии.

Итак, если я говорю: «Я еду в город X», мое Эго представляет мою личность в целом. Приводящий в замешатель-

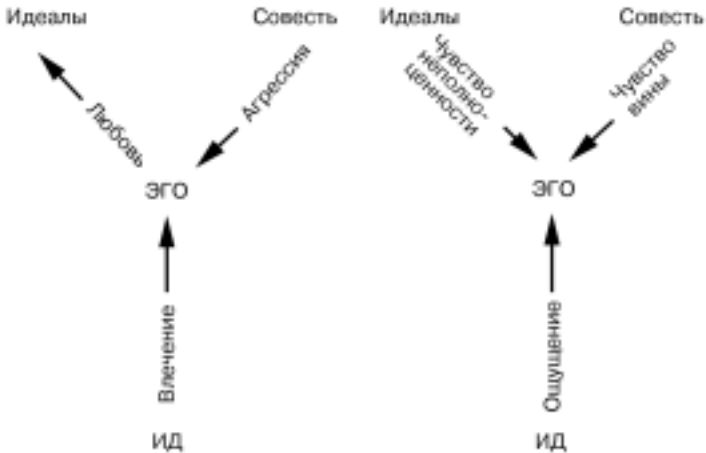
ство ряд утверждений без какого-либо центрального понятия! Для того, чтобы продемонстрировать свою собственную концепцию Эго, я должен сперва увеличить это замешательство, но не путем дальнейшего нагромождения теоретических положений, а путем показа еще некоторых практических аспектов Эго.

Ниже представлен ряд аспектов Эго таким образом, чтобы противопоставить каждый из них его противоположности, как мы ранее поступили с термином «актер».

<i>Эго является</i>	<i>В противоположность</i>
функцией	субстанции
функцией контакта	конфлюэнции
построением «фигура-фон»	деперсонализации и сну без сновидений
неуловимым	устойчивому
активно вмешивающимся	организмической саморегуляции
самосознанием	осведомленности о другом объекте
ответственной инстанцией	Ид
само по себе пограничным феноменом	объекту со своими границами
спонтанным	внимательному «по долгу службы»
слугой и исполнителем воли организма	хозяину в своем доме
возникающим в эктодерме	мезодерме и энтодерме
идентификацией/отвержением	чувством безразличия

Психоаналитическое разделение на *Ид*, *Эго* и *Супер-Эго*, или *Эго-Идеал*, составляющие человеческую личность, может помочь нам сориентироваться на первых порах.

Фрейд использует понятия Супер-Эго и Эго-Идеал почти синонимично; но, тем не менее, мы можем разделить их, обозначив первое как *совесть*, а второе как *идеалы*, и описать следующим образом:

Совесь агрессивна и выражает себя главным образом в словах; агрессия направляется от совести на «Эго», напряжение, возникающее между совесью и Эго, переживается как чувство вины.

Идеалы по большей части существуют в виде наглядных образов; основная эмоция — любовь, она направляется от Эго к идеалу; напряжение между Эго и идеалом ощущается как неполноценность.

Ид выражает инстинкты, проявляющиеся в ощущениях; напряжение, возникающее между Эго и Ид — влечение, побуждение, желание и т.д.

Мы можем теперь применить данную концепцию на практике для разбора следующего примера: маленький мальчик чувствует желание стащить сладости. При этом, как и многие другие дети, он одержим идеалом взрослости, а взрослые большие дяди, в его представлении, не таскают сладости; поэтому он решает, что должен перебороть аппетит. Вдобавок его совесь говорит ему, что красть грешно. Переживая три чувства одновременно, его бедное Эго оказывается пойманным меж трех огней. Но он все же не ощущает свое Эго как *субстанцию*. Здоровый ребенок не думает, что «идеал навязывает себя мне; голод мучит меня, а моя совесь воспрещает мне красть сладости». Он думает иначе: «Я хочу быть взрослым; я голоден, но я не должен красть сладости».

С объективной точки зрения его сознательное переживание определяется совестью, идеалами и Ид, но вряд ли он субъективно отдает себе в этом отчет. Он достигает субъективной интеграции при помощи процесса идентификации — он чувствует, что нечто является частью него или он сам является частью чего-то еще.

Таким образом, я соглашаюсь с Фрейдом в том, что Эго тесно связано с идентификацией. Однако Фрейд не обращает внимания на фундаментальное различие между здоровым и патологическим Эго. У здоровой личности идентификация есть функция Эго, тогда как патологическое «Эго» построено на основе интроекций (субстанциональных идентификаций), которые определяют и ограничивают диапазон чувств и поступков личности. Супер-Эго и Эго-идеал неизменно содержат в себе определенное количество устойчивых идентификаций, но частично бессознательных. Если идентификации Эго оказываются постоянными вместо того, чтобы действовать в соответствии с требованиями меняющейся ситуации и исчезать с восстановлением организмического баланса, Эго становится патологическим¹.

Проблема возникает и с самим термином «идентификация», имеющим различные значения, например, копировать кого-либо, быть на чьей-либо стороне, заключать, что две вещи суть одно и то же, испытывать симпатию или проявлять понимание. Различные аспекты одного и того же слова ответственны за появление в психоанализе двух противостоящих теорий: Федерна и Фрейда.

Мнение Фрейда о том, что любое Эго строится из идентификаций или интроекций (в смысле подражания кому-то, поведения «как будто бы» это кто-то другой), можно отнести только к тому типу людей, у которых образовался своего рода Эго-конгломерат — фиксированный взгляд на жизнь, или ригидный, или искусственный характер. В случае ригидного характера мы видим, что действие функций Эго почти полностью приостановлено, поскольку личность ограничила себя привычками и поведение ее стало автоматическим. Фрейд осознавал этот факт и говорил, что анализ только

¹Одно сравнение способно по крайней мере дать намек на это различие. В функцию почек входит выведение солей. Соли просто проходят через мочеполовую систему. При некоторых патологических условиях соли осаждаются и образуют твердое инородное тело внутри организма, которое препятствует благополучной жизнедеятельности и, как водится, функционированию самих почек.

тогда может быть успешен, когда характер еще не окаменел. Полная идентификация (например, с условностями) вызывает внутри такого рода личности сильнейшие конфликты, как только Эго придется действовать в согласии и по указке инстинкта (и идентифицировать себя с ним), которого Эго не одобряет в соответствие со своими принципами. Может случиться, человек будет умирать от голода, но присвоить кусок хлеба будет казаться ему таким ужасным преступлением, что Эго оттолкнет его от осуществления своего желания. Он скорее умрет, нежели подвергнет себя риску попать на пару дней в тюрьму.

В деле воспитания такая строгая мораль может привести к серьезным недоразумениям. Когда недостаток углеводов побуждает ребенка таскать сладости отовсюду, где бы они ни лежали, родители (проецируя свои добропорядочные взгляды на ребенка) могут быть очень обеспокоены тем, какого бандита они произвели на свет.

(б) ГРАНИЦА

Поскольку термин «идентификация» стал синонимом интроекции, Федерн (возможно понимая, что интроекция не единственная форма идентификации) разработал концепцию Эго и его границ. Его теория сильно продвигает нас вперед в понимании некоторых функций Эго, если мы проигнорируем некоторые ошибочные моменты.

Для демонстрации диалектики границ Эго нам может послужить пример физического явления:

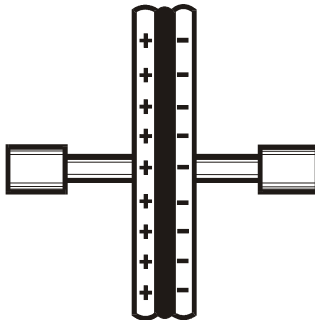

Рис. 10

Рис. 11

Две металлические пластины, А и Б, разделены изолирующей прослойкой. Если одна пластина конденсатора заряжена положительно, то на другой соберутся отрицательные заряды; но при непосредственном контакте положительные и отрицательные заряды нейтрализуют друг друга (рис. 10). Границы Эго ведут себя точно таким же образом. Необходимо лишь заменить + и - на ¶ и ‡, которые обозначаются в психоаналитической терминологии как либидо и враждебность (рис.11)¹.

Федерн предполагает, что Эго является либидинозной субстанцией с постоянно изменяющимися границами. Под этим подразумевается, что мы идентифицируем себя со всем, что кажется нам знакомым или принадлежащим нам. Наше Эго, по Федерну, способно сужать свои границы до размеров личности или расширять их за ее пределы.

При неврозе навязчивых идей функции Эго оказываются особенно ограниченными: желание смерти, как выше упоминалось, отрицается; оно не признается принадлежащим «Я». Человек с обсессивным характером отказывается принимать на себя ответственность или идентифицировать себя с подобными мыслями — ответственность и вина сливаются у него воедино. *Всякие запреты и подавления сужают границы Эго.*

Мы расширяем границы нашего Эго, когда идентифицируем себя со *своей* семьей, *своей* школой (традиции школьного коллективизма), *своей* футбольной командой, *своей* страной. Мать способна защищать своего ребенка так, «как будто» она сражается за себя самое; если к футбольной команде отнеслись несправедливо, любой из ее членов способен отомстить, «как будто» оскорбили его лично.

Во всех этих случаях объект идентификации остается вне личности. Он не интроецируется и идентификация оказывается воображаемой («как если бы», «как будто»). Никто не напал на мать, никто лично не оскорблял игрока команды.

Господин Х видит дом и говорит: «Я вижу дом». Он не говорит: «Зрительная система в организме господина Х видит дом». Он идентифицирует себя с этой своей системой. В следующее мгновение дом может отступить на задний план сознания, и он обнаружит, что его внимание сосредото-

¹ Фотографии электронов показывают, что (+) электроны имеют ¶, а (-) электроны — ‡ природу.

чилось на каких-то голосах. Он может сказать: «Я слышу голоса» или иначе: «Я слышу голоса», тем самым делая упор на противопоставлении себя другим людям, которые могли не слышать ни звука.

Теперь давайте предположим, что он слышал голоса, но рядом никого не было. Если он идентифицирует себя с тем, что ему все это почудилось, и говорит: «Мне почудилось, что я слышал голоса», его Эго работает правильно; но если он идентифицирует себя с содержанием своей галлюцинации, не понимая того, что это было воображаемой, «псевдо»-идентификацией, он ведет себя так, «будто бы» на самом деле слышал чьи-то голоса.

Сама по себе «псевдо»-идентификация не патологична; под эту категорию подпадает лишь принятие воображаемой идентификации за настоящую. Иногда воображаемые идентификации до такой степени накапливаются, что приходится говорить о «псевдо»-характере (Х.Дойч). «Псевдо»-идентификации встречаются в случае интроекции (ребенок, играющий в дочку-матери), равно как и при расширении границ Эго.

Соответствующее «псевдо»-отчуждение присутствует в подавлении, проекции и подобном же сужении границ Эго. Хотя пациент утверждает, что такие-то и такие-то мысли — не его мысли, фактически они принадлежат его личности: отчуждение путем подавления и проецирования, в итоге, никогда не бывает успешным. Психоанализ признает этот факт, называя его «возвращением подавленного».

В функции идентификации/отвержения мы снова можем наблюдать действие холизма. Мы видим образование целостностей: единство матери и ребенка, объединение группы людей в клуб; чем сильнее его члены будут идентифицировать себя с клубом, тем прочнее окажется его структура, порою даже вплоть до окостенения. Сужение границ также происходит с целью сохранить целое. Те части личности, которые очевидно представляют опасность для принятого целого, приносятся в жертву. («Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя».) Подобной же идеей руководствуются строители политических чисток.

Теория Федерна обнаруживает в себе определенную ошибочность и односторонность. Ошибка состоит в том, что он рассматривает Эго в качестве субстанции, обладающей границами, в то время как, по моему мнению, Эго как таковое

состоит исключительно из пограничья, из зон контакта. Только там и тогда, когда «Я» сталкивается с чем-то «чуждым», Эго приходит в действие, вступает в игру, определяя границу между «областями» личного и безличного. Односторонность Федерна проявляется в том, что он обращает внимание лишь на интеграционную энергию либидо, упуская из виду одновременное появление \ddagger .

Игроки футбольной команды стремятся слиться в единое целое (\ddagger). Члены одного клана более привязаны друг к другу (\ddagger), нежели члены другого клана. Идеологии объединяют тех, кто в них верит (\ddagger). В смутное время, когда существует угроза национальной безопасности, сплоченность граждан имеет первостепенное значение для обороны.

Здоровый холизм предполагает взаимную идентификацию. Команда, не отождествляющая себя со своими членами — не защищающая их интересы и вознаграждающая их за преданность — обречена на распад; \ddagger , которое накапливается в коллективе и находится за его пределами, обращается на индивидуумов.

Федерн не рассматривает границу Эго снаружи, оттуда, где скапливается \ddagger . Точно так же, как накопление положительных зарядов на одной пластине конденсатора сопровождается аккумуляцией противоположно заряженных частиц на другой пластине, интеграционные энергии в пределах границ Эго снаружи дополняются враждебностью.

Когда бы ни встретились два целостных образования, их держит вместе и отделяет друг от друга более или менее явная враждебность. Две футбольные команды выказывают это в мягкой форме в соперничестве между собою в общем и в матчах, в частности. Между школами существуют соревнования, между народами — войны. Семья Смитов задирает нос перед семьей Браунов, которая, в свою очередь, презирает членов семьи Смитов. Монтекки и Капулетти дают пример враждебно настроенных кланов; но Ромео и Джульетта прорываются сквозь эти границы, их желание быть вместе гораздо сильнее семейных уз.

Чем более враждебен внешний мир, тем сильнее оказывается интегративная функция у индивидуумов и групп. В момент опасности организм мобилизует все имеющиеся в его распоряжении способности; всякий раз, когда страна подвергается нападению извне, внешняя агрессия способна привести к сплочению сограждан. Мать, которая только что злилась

на ребенка, в следующее мгновение бросится защищать его от постороннего обидчика.

Любовь представляет собой идентификацию с объектом («мой/моя»); ненависть — его отвержение («прочь от меня!»). Желание быть любимым проявляется в стремлении к тому, чтобы объект идентифицировал себя с желаниями и запросами субъекта. Сильная взаимная любовь описывается в выражениях вроде «едины душой и телом» и т.д. При половом сношении взаимная идентификация — непременно условие; «муж и жена — едины плоть», говорится в Библии.

Границей между двумя фермами служит забор. Забор указывает на контакт между фермами, но в то же время и изолирует их друг от друга. Во времена кочевников границ не существовало — было свободное перетечение, конфлюэнция. С частной собственностью пришло разделение земли, между соседями создавались дружеские и враждебные отношения. Если сегодня объединить фермеров в коллективы, конфлюэнция будет восстановлена, но границы между коллективными хозяйствами (ср. с социалистическим соревнованием в России) останутся. Конфлюэнция также будет иметь место в том случае, если некий фермер «возжелает» ферму соседа и присвоит ее себе.

Изоляция подчеркивает разделение, тогда как контакт делает упор на подход, целью которого будет снятие изоляции либо путем устранения враждебности и замены *Я* и *Ты* на *Мы*, либо путем превращения всей совокупности в «*мое*» или — вследствие отречения от объекта — «*твое*».

Является ли ¶ создателем ‡, или же происходит обратное? Оба предположения неверны. Между этими двумя функциями не существует каузальной связи. Когда бы и где бы ни образовывалась граница, ей присущи как функция контакта, так и функция изоляции. Обычно нет ни контакта, ни изоляции, поскольку отсутствует граница, вместо которой наблюдается конфлюэнция. Процессу конфлюэнции препятствуют ¶ и ‡, либидо и агрессия, дружба и враждебность, чувство знакомого и незнакомого и вообще все, что было выбрано в качестве объекта оттягивания энергии на создание границы.

Хорошим примером одновременного действия ¶ и ‡ может служить замешательство. Здесь одновременно проявляются тенденции к установлению контакта (экспозиция, «показ» себя) и к тому, чтобы спрятаться. Его предварительная

стадия — смущение. Застенчивому ребенку открыты обе возможности: и возникновение привязанности, и отделение. Застенчивость, таким образом, есть нормальная фаза детского развития; но панибратство с каждым встречным-поперечным или уклонение от любого контакта, если они выступают в качестве постоянного отношения, а не адекватного ответа, становятся нездоровыми крайностями.

В результате исключительного идентифицирования себя с требованиями среды, интроекции идеологии и черт характера Эго утрачивает свою эластичную силу идентификации. На самом деле оно начинает функционировать практически только в роли исполнителя требований конгломерата принципов и фиксированных схем поведения. Супер-Эго и *характер* прочно заняли свое место, подобно тому как в наше время изготовленные машинным способом предметы заместили единичные изделия, выполненные вручную.

Глава 8

РАСКОЛ ЛИЧНОСТИ

Существует хорошо известная пословица, гласящая, что метла крепче того же количества отдельных хворостин. Не подтверждает ли эта пословица простой научный факт? Конечно, нет. Пословицы содержат в себе мораль. В этой имеется в виду, что, соединив несколько прутьев вместе, мы повышаем их способность к сопротивлению и делаем их куда лучше приспособленными для нападения! Или же наоборот: если вам нужна крепкая палка, некоторое количество связанных вместе палок потоньше вполне ее заменит!

Интегративная функция такого рода — еще один аспект Эго. Эго действует в роли, так сказать, администратора, связывая вместе действия *всего* организма с его первоочередными потребностями; можно сказать, что оно призывает те функции целого организма, которые служат для удовлетворения наиболее животрепещущей потребности. Как только организм идентифицировал себя с этой потребностью, он начинает всеми силами добиваться ее удовлетворения, проявляя враждебность по отношению ко всему, что этому мешает.

Человек сначала утверждает: «Я голоден», а потом — «Я не голоден». С логической точки зрения здесь имеется противоречие, но лишь до тех пор, пока мы рассматриваем этого человека как объект, а не как пространственно-временное событие. Между двумя этими заявлениями он успел что-то поесть. Поэтому оба раза он сказал правду. Более сложная ситуация получается, если поместить голодного человека в

герметично закрытый ящик. Тот, кто просто говорил: «Я голоден», теперь чувствует: «Я задыхаюсь», а даже не «Я голоден и задыхаюсь». С позиции выживания дыхание важнее, чем еда.

Как происходит, что мы не воспринимаем несовместимость такого рода противоречивых утверждений? Идентификация (а то, что говорится об идентификации во всяком случае применимо и к отвержению, постольку поскольку обе они являются взаимодополняющими друг друга контрфункциями) следует за образованием «фигуры-на-фоне». Функция здорового Эго реагирует на субъективную реальность и на потребности организма. Если, скажем, организм испытывает голод, пища становится «гештальтом»; Эго идентифицирует себя с голодом («Я голоден») и откликается на гештальт («Я хочу съест это»).

В случае с человеком, который скорее умрет, нежели утратит кусок хлеба, Эго отвергает возможность взятия пищи. Однако без образования «фигуры-на-фоне» он не смог бы ни увидеть, ни вообразить себе этот кусок хлеба — отчуждение Эго от порыва к взятию хлеба и идентификация его с законом были бы невозможны.

Если бы функции Эго были *идентичны* «фигуре-на-фоне», они оказались бы излишни, но их участие абсолютно необходимо в административной задаче направления всех свободных энергий на удовлетворение той потребности организма, которая является в данный момент «фигурой». Этот факт наводит нас на следующую бифункциональную проблему — проблему хозяина и слуги. Замечание Фрейда «Мы не хозяева в собственном доме» годится лишь тогда, когда Эго получает приказы от инстинктов относительно биологической сферы, а относительно социальной сферы — от совести и окружения. Однако Эго не просто слуга инстинктов и идеологий; оно также и посредник со множеством обязанностей. (Перекладывание ответственности на обстоятельства не способствует развитию Эго.)

Желание справиться с собой возникает в результате недостаточного сотрудничества между функцией Эго и организмом. Если кто-нибудь, например, решает, что дефекация — это помеха и неудобство и что его кишечник обязан во всем беспрекословно его слушаться, то такое барское отношение будет злоупотреблять функцией Эго. Функции Эго призваны обеспечивать адекватное удовлетворение потребности в дефекации с минимумом затраченной энергии и оптимальным

уровнем задействованности организма. Диктаторское, запугивающее, контролирующее Эго (которое, точнее говоря, означает идентификацию функций Эго с запугивающей совестью) далеко от того, чтобы взять на себя ответственность за организм и перекладывает ее (по большей части в качестве наказания) на Ид или «тело», как будто оно есть что-то не принадлежащее «Я».

Понятие «Ид» возможно лишь в качестве контрапункта к понятию «Супер-Эго». Таким образом, оно является искусственной, небιологической конструкцией, созданной функцией отторжения Эго. Между принимаемой и отвергаемой частями личности образуется граница, раскол личности усиливается.

Другими словами, принимая Эго за субстанцию, нам приходится признать его некомпетентность. Мы должны смириться с зависимостью Эго от требований инстинктов, совести и окружения и полностью согласиться с нелестной фрейдовской оценкой власти Эго. Как только, однако, мы осознаем способность Эго к идентификации, нам придется признаться себе в том, что наш сознательный разум обладает возможностью чрезвычайной важности — возможностью идентифицироваться со всем тем, что он считает «правильным».

В функции идентификации/отвержения обнаруживаются зачатки «свободной воли». Этой функцией часто злоупотребляют, не умаляя, однако, того факта, что в ней мы сталкиваемся с принципом сознательного контроля над человеческим «Я». Общество должно определять, какие из идентификаций индивидуума окажутся желательными для нормальной работы его холистической функции без нарушения процесса индивидуального развития, душевного и телесного здоровья. Хотя эта программа и выглядит простой, она выпадает из поля зрения человечества на данном этапе развития нашей цивилизации. В настоящее время индивиду не остается ничего другого, как избегать множества идентификаций, которые наверняка приведут к ослаблению целостности личности — что должно выражаться во внутренних конфликтах, расколах личности и всевозрастающем чувстве несчастья. Эти расколы, конфликты и несчастье отдельного индивида отражают на уровне микрокосма нынешнюю ситуацию во всем мире.

Шум недовольных в городе поднялся;
Всех разом слышно, всяк советовать горазд.
Одни — за мир, другим война милее;
Врагов изгнать, друзей приветить тщатся...

Вергилий

* * *

Интуитивное знание функций ¶ и †, формирующих границы, — огромное преимущество Гитлера. Его агрессия не находит себе дентального выхода (плохие зубы — кушаю кашу) и проявляется в основном в криках и воплях. Когда он не получает того, что хочет, он становится раздражительным, сперва хнычет, затем кричит и вопит во все горло до тех пор, пока все окружающие не начинают паниковать и делать все, чтобы уговорить плаксу (нехорошо обижать невинного ребенка, а Гитлер всегда изображал из себя невинность). Затем, он понимает, что чем больше последователей ему удастся привлечь, тем большая агрессия может быть использована; чем сильнее агрессия, приложенная им, тем крепче становятся внутригрупповые связи. Он находит объединяющий символ в свастике¹, лозунге «Один народ, одна страна, один вождь» как идеологической формуле, привлекавшей многие классы немецкого общества. В конце концов он предоставляет эмоциональную пищу для германского тщеславия: идею «расы господ».

Наряду с применением ¶ Гитлер занимался изучением действия †. Понимая важность целостностей и того, что сила — в единстве, он намеревается уничтожить каждую мощную враждебную организацию, будь то промышленный совет, профсоюз или Церковь. Он раскалывает скорлупу и отбрасывает прочь не могущий быть переваренным материал, проглатывает членов распущенных организаций и ассимилирует их капиталы. «Одну за другой» он устраняет сначала внутригосударственные, а затем внегосударственные организации и сами государства. Он применяет оральную технику также и в стратегии. Он вгрызается в стан враждебных армий резцами массивированных бомбардировок и растирает их в порошок молярами своих танков. Если резцы, передовые отряды, притупились, если моляры бомбардировок действуют недостаточно успешно для того, чтобы перемолоть врага в кашу, тогда он пропал. Все, что он способен предпринять — это вцепиться зубами, не давая проходу.

Существенная задача его метода состоит в раскалывании целого — например, нации — при помощи пятой колонны. Идея заключается в том, чтобы, с одной стороны, объединить всех членов пятой колонны в единый крепкий кулак, подогревая их общее недовольство и ненависть, делая упор

¹ В оригинале «gallows-cross» — «крест висельника» (прим. перев.).

на внутригрупповых отношениях между ними и выставляя себя единственным спасителем. С другой стороны, он побуждает их учиться разрушать, что, в свою очередь, усиливает сплоченность пятой колонны. Чем больше орального недоразвития (например, недостаток умения рассуждать самому или зависимость от церкви и государства) он находит, тем проще оказывается найти подходящих людей, которые бы в него «верили».

* * *

Преимущество Гитлера состоит единственно в сознательной эксплуатации феномена границ Эго. Границы, конечно же, образуются повсеместно и варьируют от трещины, которая, особенно во время избирательной кампании, раскалывает американское общество, до личностей с расщепленным сознанием.

Если футбольная команда не направляет свою агрессию в соревновательное русло, а других привлекательных сторон для объединения ее членов не имеется, команда либо развалится, либо, на худой конец, распадется на части. Люди с определенным взаимным сходством стянутся вместе и образуют клики. Они начнут мучить друг друга, спорить по мелочам, и в итоге, если не представится возможности восстановить общность за пределами границы, они передерутся. Результатом окажется раскол или даже разобщение.

В случае разобщения враждебность исчезнет, но лишь при том условии, что прекратятся всякие контакты. Границы с их Ψ/Φ -функциями возникают только там, где еще сохранился хоть какой-то контакт.

Когда имеется раскол и контакт одновременно, всегда будет задействована одна из функций границы: либо в виде неприкрытой или тайной враждебности, либо в качестве подавленного стремления к воссоединению посредством идентификации, как скрытое дружелюбие или любовь. Зона контакта в данных случаях совпадает с зоной конфликта. «Для ссоры необходимы двое».

Раскол между индивидом и обществом представлен случаем помещенного в тюрьму преступника, чья изоляция обрела материализованную форму тюремной решетки. Дружественное отношение с каждой стороны (помилование и раскаяние соответственно) может устранить разобщение и восстановить контакт. Но *феномен контакта* не перманентен; он основывается на переживании воссоединения и будет заме-

нен *конфлюэнцией*, как только бывший «преступник» снова окажется признанным членом общества.

В случае преступника раскол освящен обществом, но и отдельный индивид способен к редуцированию такого рода расколов. Жажда одиночества устанавливает границу в качестве переходной фазы, тогда как мизантропия или генерализованная идея преследования ведут к более устойчивой изоляции. Политическое убеждение, отличное от мнения большинства, способно создать новую партию; новая вера создаст новую секту.

С тем чтобы избежать конфликтов, остаться в среде общества или другого целостного образования, индивид отторгает те части своей личности, которые способны привести к конфликтам с окружением. *Уклонение от внешних конфликтов приводит, однако, к образованию внутренних*. Недаром психоанализ снова и снова подчеркивает этот факт.

Ребенку ужасно хочется иметь определенную игрушку. Он не получает ее, но знает, что ее можно купить за деньги, лежащие в папином кармане. Он знает, что если он возьмет эти деньги, то это повлечет за собой серьезный конфликт с отцом, который говорит, что красть грешно и что за это наказывают. Идентифицировав себя с авторитетным высказыванием отца, он должен отвергнуть, подавить свое желание. Ему придется уничтожить его либо с помощью изъявления покорности и плача, либо отбрасыванием его за пределы Эго, подавляя или проецируя его. Подавление достигается посредством ретрофлексирования агрессии, которая была первоначально направлена против фрустрирующего отца, а теперь направляется против своего собственного желания. Проекция с помощью другого и более сложного процесса восстанавливает гармонию между ним и отцом, однако за счет разрушения гармонии внутри себя самого.

Целостность требует внутреннего спокойствия. Внутренний конфликт противоречит самой сущности холизма. Фрейд однажды сказал, что внутриличностный конфликт напоминает ссору двух слуг, спорящих весь день напролет: сколько каждому из них следует работать? Если раскол существует внутри личности (например, между совестью и инстинктами), Эго может либо оказаться враждебным по отношению к инстинктам и одобрять совесть (торможение), либо наоборот (вызывающее поведение).

На примере убийства показано, как одно и то же действие может вызывать различные реакции, оценки и даже

конфликты и как разнообразные реакции зависят от вида идентификации.

(1) Некто застрелил своего соседа. Общество или тот, кто его представляет, государственный обвинитель, который идентифицирует себя с жертвой, называет это убийством и требует наказания. (2) Некто застрелил своего противника на войне. Общество идентифицирует себя с солдатом, жертва на этот раз оказывается за границами идентификации. Солдат может быть представлен к награде. (3) То же самое, что и (1), но здесь судья, узнав, что наш «убийца» был глубоко оскорблен соседом, может начать симпатизировать обвиняемому. Вследствие идентификации с убийцей и убитым одновременно судья оказывается в ситуации конфликта вокруг вины обвиняемого. (4) То же, что и (2), но Супер-Эго солдата придерживается догмы о том, что убийство — это основной грех. В результате идентификации он также будет находиться в ситуации конфликта с требованиями своей страны и своей совести.

В (3) судья говорит: «Я осуждаю вас» и «Я не осуждаю вас». В (4) солдат чувствует: «Я должен убить» и «Я не должен убивать». Такого рода двойные идентификации непереносимы для организма. Требуется принять решение. От одной из идентификаций следует отказаться. По сути, лишь через понимание возможности отказа от идентификаций как от нежелательных и опасных и их отторжения мы можем ухватить верное значение Эго и его развития в качестве цензора или селекционера.

Идентификация с потребностями организма исходно не требует затраты усилий, а отвержение требует. Чем теснее связано желание с организмическими нуждами, тем тяжелее проходит отвержение, когда этого требует социальная обстановка. Большинство из нас почувствовало, как трудно бывает отогнать от себя нездоровое любопытство, возникающее при рассматривании уродов. Несмотря на все попытки отвести взгляд, снова и снова обнаруживаешь, что смотришь туда, куда не надо. Если почти невозможно уже отказаться от такого нездорового любопытства или неприятной привычки вроде тика или заикания, насколько труднее окажется процесс отвержения действительно мощного импульса. «Прекратишь ли ты, если я дам тебе конфетку?»

Ранее я упоминал, что в функции идентификации заключено ядро «свободной воли», которая возникает в действительности, как только в результате процесса переобуслов-

ливания мы заменяем «хорошее» и «плохое» на «идентификацию» и «отчуждение» соответственно. Идентифицировав себя с определенными методами, мы называем их «правильными» и отторгаем другие, называя их «неправильными». Данное «чувство» правильности и неправильности зачастую обманчиво, поскольку знакомое и привычное воспринимается как правильное, а странное и непривычное — как неправильное. Ф.М.Александр провел блестящее исследование тех трудностей, с которыми сталкиваешься в процессе перестройки.

Подобное принятие знакомого отношения за «правильное» ежедневно встречается при анализе. Многие аналитики рассматривают это как недостаточное проникновение пациента в суть своей болезни. Такой упрек совершенно необоснован. Биологически верное отношение может подвергнуться отчуждению до такой степени, что пациент окажется более неспособен увидеть в нем нечто природное. Его сопротивление есть идентификация с определенными идеологическими требованиями, которые он воспринимает не как подверженную изменениям идентификацию, а как непреложно «правильные» взгляды.

Анализ симптома может высветить значение отказа и показать, как необходима мобилизация функций Эго для восстановления здорового функционирования личности в целом. Миссис А. страдает от головной боли после того как подруга оскорбила ее. Она не сознает, что головную боль создает себе сама, и не желает принимать за это ответственность; она скорее станет сваливать вину на свой организм, склонность к головным болям или на невнимательную подругу. Психоанализ также освобождает ее от ответственности, находя причину в преобразованной энергии либидо. Если бы она приняла больше ответственности за головную боль (и меньше аспирина) и знала бы точно, что сама виновата в ее возникновении, она могла бы решить больше не допускать подобной ситуации.

Она говорит, что после того, как подруга оскорбила ее, ей хотелось плакать, но она не проронила ни единой слезинки. Похоже, что плач преобразовался в головную боль. Но поскольку я не могу представить себе, каким образом подавленное либидо могло превратиться в головную боль, то я не могу принять такого превращения. Всякий трюк фокусника может получить рациональное объяснение. Идентифицировав себя с достоинством и гордостью, она оказалась не-

способна идентифицировать себя с биологической потребностью искать облегчения в плаче, поэтому она напрягла мышцы глаз и горла, чтобы остановить слезы. Сильное мышечное напряжение приводит к боли; сжатие черепных мускулов чревато головной болью. Любой может убедиться в таком «продуцировании боли», изо всей силы сжав кулак.

Вернемся к пациенту: без растворения Эго-конгломерации (в данном случае, постоянных сокращений мышц) она не сможет поддаться порыву поплакать и овладеть адекватными функциями Эго, т.е. идентификациями с актуальными потребностями. Ее головная боль сигнализирует о незавершенной ситуации; она не в состоянии завершить это, избавиться от чувства обиды, поскольку совершенно не расположена вести себя свободно.

В этом ей содействует ее сенсомоторная система.

Глава 9

СЕНСОМОТОРНЫЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Когда аналитик указывает пациенту на то, что с его стороны имеется сопротивление или что он находится в состоянии сопротивления, пациент часто чувствует себя виноватым, «как будто» ему не следовало бы обладать такими неприемлемыми свойствами. Психоанализ справедливо сосредотачивается на сопротивлениях, но зачастую с мыслью о том, что они представляют нечто нежелательное — с чем можно разделаться и что должно быть непременно уничтожено для формирования здорового характера. Действительность выглядит несколько иначе. Сопротивления уничтожить невозможно; и, в любом случае, они — не зло, а скорее энергии, представляющие ценность для нашей личности, вредоносные только тогда, когда получают неверное приложение. Мы не сможем должным образом относиться к своим пациентам до тех пор, пока не поймем диалектику сопротивлений. Диалектическая противоположность сопротивлению — содействие. Крепость, оказывающая сопротивление агрессору, в то же самое время содействует достижению целей защитника. В данной книге мы можем придерживаться термина «сопротивление», поскольку являемся, по существу, врагами невроза. В книге об этике мы предпочли бы термин «содействие» для обозначения тех механизмов, которые помогают нам в подавлении «осужденных» черт характера. Необходимо, однако, иметь в виду, что без признания того, что пациент воспринимает свои сопротивления как своих помощников, мы не сможем успешно иметь с ним дело.

Ригидность энергий сопротивления представляет главное затруднение. Если тормоз в машине или водопроводный кран заклинило, нормальная работа автомобиля или водоснабжение оказываются невозможны. В ситуации анализа стоит задача восстановления гибкости подобных ригидных сопротивлений. Это не значит, что исчезло внутреннее сопротивление и возник негативный перенос. Скорее происходит то, что вдобавок к границе Эго, лежащей между внушающим тревогу внутренним желанием и сознательной личностью, появляется еще одна граница: между пациентом и аналитиком. Аналитик воспринимается как союзник запретного порыва и соответственно отторгается. Цензор, полный недоверия и враждебности, настороже по отношению к нарушителю, следит, как бы не произошла идентификация со «странными» идеями аналитика. Организм идентифицирует себя с этой враждебностью и сопротивляется или даже нападает на аналитика.

Образование «фигуры-на-фоне» обладает одним серьезным недостатком. Организм способен сосредотачиваться лишь на одном объекте в один момент. Тем самым достигается максимум действия на одном участке, но ценой минимизации внимания, уделяемого всему остальному. Всякая непредвиденная атака, таким образом, представляет опасность. Неожиданное, внезапное нападение наносит такой же вред отдельному индивиду, как и целой армии или нации. Также как оборонительные сооружения и постоянные укрепления возмещают недостаток в живой силе, в организме индивида имеются кожа и панцирь на физиологическом, поведенческом и характерологическом уровнях. Но, как упоминалось ранее, эти границы не могут быть герметично изолированы. Какой-то контакт с окружающим миром должен оставаться. Замок может иметь пути коммуникации, вроде дверей, предназначенных для получения пищи и отправки сообщений. Большой пролом в стене, в противоположность двери, может служить для прямого сообщения, конфлюэнции. Если, скажем, сломалась ограда на ферме, скот может убежать, «перетечь» сквозь брешь во внешний мир, и фермеру придется отказаться от механической защиты в виде ограды в пользу живого защитника, пастушонка или собаки. Последние, впрочем, могут заснуть, и выход окажется без охраны; конфлюэнция, таким образом, будет восстановлена.

Именно такими путями сообщения являются отверстия в теле. Они требуют определенного сознательного ухода (функции Эго); иначе они могут стать зонами конфлюэнции.

Пользуясь сравнением с замком, патологическое сопротивление можно уподобить запертой двери, ключ от которой потерян, а полное отсутствие сопротивлений — дырам в стенах, образовавшимся в результате совершенного удаления дверей. Импульсивный, безответственный характер, наблюдаемый в случаях «преступности несовершеннолетних», ясно показывает отсутствие необходимых сопротивлений, тормозов, которые следует применять для того, чтобы предохранить себя от возмездия общества. Мы подвергнем себя огромному риску, если будем руководствоваться при анализе сопротивлений предположением о том, что их быть не должно. Часто происходит так, что сопротивления не принимаются всецело, но подавляются и подвергаются сверхкомпенсации — смущение компенсируется показным молодечеством, стыд — бесстыдством, отвращение — неразборчивой жадностью. Что касается преступности несовершеннолетних, то подавление сопротивлений часто проявляется в виде вызывающего поведения и «героического» выставления себя похожим на идеал «крутого парня». Простая ликвидация энергий сопротивления влечет за собой еще одну опасность. Многие люди едва ли развили в себе другие функции Эго кроме функции сопротивления, будь то по своим собственным импульсам или по запросам общества. Они нацелены на создание сильного Эго, характера, исполненного «силы воли». Действенная, рациональная личность означает для них «сильный» характер — возможность подавить желание курить, иметь половые отношения, есть и т.д.

Если кто-то лишает их этих доминирующих функций сопротивления, не остается ничего, в чем бы они были заинтересованы. Они так и не научились получать удовольствие от жизни, быть агрессивными, любить, и в то время как их сопротивления подвергаются анализу, они приходят в полнейшее замешательство, так как идентификации с этими жизненными функциями еще не произошло.

Более того, энергии сопротивления у таких людей представляют значительную ценность, и если они обладают хорошим уровнем сопротивления, люди найдут возможности для того, чтобы обратить их себе на пользу. Чего следует достичь, так это избавления от ретрофлексии. Пациент должен научиться обращать свои энергии сопротивления против внешнего мира, применять их в соответствии с требованиями ситуации, говорить «нет», когда это надо сказать. Когда приходится иметь дело с мертвецки пьяным человеком,

более важным оказывается контролировать его, даже избавиться от его назойливости, нежели держать себя под контролем. Ребенок, который всегда выполняет зачастую идиотские и безответственные требования родителей, калечит свою личность и становится впоследствии смиренным, бесчестным чудачком. Если порой ему удастся сопротивляться их приказаниям, вступать в борьбу, это поможет ему в последующей жизни защищать свои права. Каждый конкретный случай является критерием полезности или бесполезности сопротивления. Упрямство, концентрированное сознательное сопротивление, подобным же образом должно обсуждаться с точки зрения его полезности. Упрямство, выражающееся в невосприимчивости к доброму совету, отличается от упрямства, с которым полный решимости народ готов отражать неспровоцированные нападения.

Если мы вполне осознаем явление центробежности сенсорных и моторных функций и феномен ретрофлексии, мы получим четкое представление о соматоневротических сопротивлениях. Из вышеперечисленного моторные сопротивления, представляющие главным образом случаи повышенного мышечного напряжения, являлись предметом обширных исследований в контексте райховой теории панциря. Я хочу лишь добавить, что эти зажимы в действительности — ретрофлексированное объятие. Они становятся симптомами цепляющегося отношения (присасывание; цепляние за человека или имущество, фекалии, дыхание и так далее; можно сравнить с анализом хватательного рефлекса, выполненным Имре Херманн).

* * *

Наиболее частым из сенсорных сопротивлений считается скотомизация, ослабление перцептивной функции или замена ее на функцию исключения, благодаря чему достигается избегание восприятия определенных вещей. Менее известен факт, что повышенная сенсорная активность также является сопротивлением. Всем нам знакомы люди-недотроги, сверхчувствительные и обидчивые. Их обидчивость, высокоразвитая и культивируемая, служит им средством избегания ситуаций, в которые им не хочется попадать. Любимое их выражение: «Это действует мне на нервы». Подобная гиперстезия принимает форму, например, мигрени с ее сверхчувствительностью к свету и т.д., когда мадам желает уклониться от неприятного разговора с мужем. В сексуальном отношении она

оказывается настолько чувствительной, что всякая попытка сближения ранит ее; эта защита исчезает, когда она находит себе подходящего мужчину. Другие развивают в себе обидчивость не для защиты, а для нападения. Если вы откажетесь выполнить какое-нибудь их желание, они будут выглядеть такими обиженными, что вы почувствуете себя преступником; и в следующий раз, несмотря на эмоциональный шантаж, вы не осмелитесь отказать их требованиям.

Картина гиперстезии, готовности почувствовать себя обиженным, была бы неполной без учета проекции причинения боли. Любой человек, которого легко оскорбить, легко обидеть, имеет в себе столь же сильную, хотя и подавленную наклонность к причинению боли. Порой она идет кружным путем, находя себе цель и выход. Меланхоликам, например, доставляет удовольствие заставлять других людей чувствовать себя жалкими, и признано, что им чаще всего удается заставить других ощутить неловкость, замешательство и раздражение.

Продуцирование противоположного гиперстезии сопротивления — потери чувствительности (гипостезия и анестезия) требует еще дополнительных исследований. Порой гипостезия возникает в результате продолжительных мышечных сокращений, иногда — вследствие сосредоточения на «фигуре», не совпадающей с требованиями ситуации («пустышка»).

Пациент пожаловался на отсутствие ощущений во время полового сношения. Детальное исследование его переживаний показало, что во время полового акта он «думал» вместо того, чтобы сосредоточиться на своих чувствах. Часто в своих фантазиях он был занят чтением газеты; в ходе анализа обнаружилось, что его поведение являлось попыткой справиться с гиперчувствительностью и преждевременным семяизвержением. Отвлекая внимание от своих ощущений на чтение газеты, он победил свой недуг, но его гиперстезия сменилась анестезией, а здоровое удовлетворение оказалось невозможным в обоих случаях.

Потеря чувствительности зачастую сопровождается ощущением, как будто тебя завернули в вату, или затемнением сознания. И все же, сколько бы пациент ни говорил мне, что он ничего не чувствует и в его голову не приходит ни единой мысли, я видел, что затемнение или анестезия были неполными и что это была лишь гипостезия, что-то вроде потускнения сознания. Мысли были (но скорее на заднем пла-

не), и чувства были тоже, хотя и назывались избитыми или притупленными.

В случае, описанном Фрейдом, пациент жаловался на постоянно висящую перед глазами пелену, которая исчезала лишь во время дефекации. Я полагаю, что это «снятие пелены» совпадало с чувством, возникающим у него при контакте фекалий со стенками анального отверстия, то есть при «контакте на выходе». Отсутствие такого контакта приводит к беспрепятственной, «неохраняемой» конфлюэнции между личностью и окружающим миром. *Конфлюэнция такого рода, отсутствие границы Эго, необходима для образования проекций.*

Маленькие дети крепко закрывают глаза, если не хотят смотреть. Это функция добавления, активность. Эффективности их любопытства препятствует дополнительный мышечный импульс. Похоже на то, что пелена у пациента Фрейда являлась просто прикрытием, дополнительной функцией, чем-то вроде сенсомоторной галлюцинации. Если попытаться как следует описать и проанализировать подобные функции прикрытия, можно раскрыть их цель: избегание определенного эмоционального переживания. В случаях анального онемения описания ощущений были таковы: «Кал проходит через резиновую трубку», или «Похоже на то, что там есть воздушная прослойка», или «Фекалии не касаются стенок».

Похожие описания приводились в случаях генитальной фригидности. Здесь также обнаруживались галлюцинаторные прослойки наряду с функциями исключения, вроде невозможности сосредоточиться и образовать адекватную «фигуру-на-фоне».

Оральная фригидность («онемение вкуса», потеря аппетита) играет значительную роль в нарушении развития Эго. Она препятствует появлению переживания наслаждения, равно как и отвращения, и способствует интроецированию пищи.

Глава 10

ПРОЕКЦИЯ

Построив с помощью существующей аналитической литературы ясную картину происхождения интроекции, мы все еще находимся в неведении относительно генезиса проекции.

Существует предварительная стадия проекции, для которой, по моим сведениям, еще не было придумано название. Часто можно наблюдать, как ребенок вышвыривает куклу из коляски. Эта кукла заменяет самого ребенка: «Я хочу быть там, где сейчас кукла». Эта эмоциональная (*ex-movere*) стадия дифференцируется позднее на *экспрессию* и *проекцию*. Здоровый психический метаболизм требует развития в сторону экспрессии, а не проекции. *Здоровый характер выражает* свои эмоции и идеи, *параноидальный характер проецирует* их.

Важность экспрессии вряд ли можно переоценить, если помнить о двух фактах:

(1) Неверно говорить о подавлении инстинктов. Инстинкты не могут быть подавлены — могут подавляться только их проявления.

(2) Наряду с торможением проявлений инстинктов (главным образом в действиях) каждый невроз чинит препятствия самовыражению (главным образом в вербальной сфере). Экспрессия заменяется лицедейством, вещанием в духе телепередач, лицемерием, застенчивостью и проекцией.

Подлинное выражение чувств — дело произвольное; оно идет «от сердца», но формируется сознательно. Всякий

художник — изобретатель, находящий средства и способы, порою новые пути самовыражения.

Проекция — по сути бессознательное явление. Проецирующий человек не способен удовлетворительно отличить внешний мир от внутреннего. Он визуализирует во внешнем мире те части своей собственной личности, с которыми отказывается себя идентифицировать. Организм переживает их как находящиеся за границами Эго и ведет себя агрессивно¹.

Чувство вины — вещь неприятная; вследствие этого дети и взрослые с недостаточно развитым чувством ответственности склонны проецировать любые предвосхищаемые обвинения на кого-либо другого. Ребенок, ударившийся о кресло, винит в этом «противное» кресло. Взрослый мужчина, загубивший свой бизнес, способен переложить ответственность на «тяжелые времена» или «судьбу» — какой-нибудь козел отпущения или недоброжелатель всегда под рукой.

Такие проекции вины дают преимущество временной передышки, но лишают личность Эго-функций контакта, идентификации и ответственности.

Подвергая анализу пациентов, проходивших ранее лечение у других аналитиков, я заметил, что у некоторых из них наблюдалось необычайно много проекций. Подавленные части их личностей попали в сознание, но пациенты не смирились с фактами и функциями, вынесенными на поверхность. Они были плохими «жевунами», и им так и не удавалось усвоить материал, который был напрямую выброшен из Бессознательного в окружающий мир, минуя границы Эго. В одном случае такой пациент спроецировал свои сексуальные импульсы на друзей, почти развил в себе манию преследования. Другой проецировал на мир свою агрессию и в результате стал намного более боязливым. Высвобождение подавленного

¹Здесь остались некоторые сложности, требующие прояснения. Бог, к примеру, является проекцией человеческих стремлений к всемогуществу, но в результате частичной идентификации («Мой» Бог) агрессия направляется лишь против чужого бога, либо в ситуациях разочарования, несогласия с «волей Божьей».

Люди часто говорят, что вспоминают о Боге лишь тогда, когда требуется его вмешательство. Но это не память, а каждый раз новая проекция. Когда в затруднительной ситуации они чувствуют себя беспомощными и желают обладать властью и магическими средствами, они проецируют подобные желания всемогущества, и всемогущий Господь Бог воссоздается заново.

материала без его ассимиляции в обоих случаях привело к тому, что пациенты попали из огня да в полымя.

Одна мамаша рассказала мне, что ее ребенку приснился кошмар. Он проснулся, крича, что его хочет укусить какая-то собака. Я обнаружил, что его попытка поиграть с матерью в «собачку» и «съесть» ее встретила суровый отпор: ему сказали, что он негодный мальчишка. Я не пытался объяснить ребенку значение собаки как тотемного животного и ее роль в Эдиповом комплексе; я просто счел само собой разумеющимся, что ребенок спроецировал фрустрированную агрессию на собаку из сновидения. Тем самым его активная роль «кусаки» была заменена на страх быть укушенным. Я посоветовал матери поощрять как игру в «собачку», так и сыновнюю агрессию. Кошмар больше не повторялся.

Человек, склонный к проекции, напоминает мне того, кто сидит в доме с зеркальными стенами. Куда бы он ни посмотрел, ему кажется, что он видит сквозь стекло мир, тогда как на самом деле перед ним предстают лишь отвергнутые частицы его личности.

За исключением сновидений и вполне сформировавшегося психоза, всегда можно обнаружить тенденции использовать в качестве экрана или приемного резервуара проекции адекватный объект. Ребенок, переживший кошмар, развил бы у себя кинофобию (боязнь собак), если бы ему не удалось вновь обрести первоначальную агрессивность. Страх перед нацией-агрессором увеличивается настолько, насколько жертва агрессии проецирует собственную агрессию на нападающую нацию, и снижается до реального уровня, когда жертва не поддается на запугивания и использует свою собственную агрессивность.

Внешний мир, однако, не всегда служит в качестве экрана для проекций; они могут иметь место также и в пределах *самой личности*. Существуют люди, чья строгая совесть не может быть объяснена единственно интроекцией. Родители, которые, согласно теории интроекции, воскресают в личности под видом совести, могут в действительности быть какими угодно, только не строгими. В одном из исследованных мною случаев родители оказались чрезвычайно сочувствующими людьми, подавившими агрессивность в ребенке добротой. Этот пациент страдал от жестоких упреков совести и сильного чувства вины. Он спроецировал свою агрессию — склонность к упрекам — на свою совесть, из-за чего сам чувствовал, что она нападает на него. Как только ему удалось

стать открыто агрессивным, совесть ослабила свою хватку, а чувство вины испарилось. Вылечиться от чрезмерно строгой совести можно только при условии смены самообвинения на приближение к предмету¹.

Русские «святые», описанные в советской литературе, усиливали чувство вины через укрощение агрессивности и отказ от греха. С другой стороны, ребенок может иметь совершенно нетерпимых родителей, но если он поддерживает свой боевой дух и не проецирует собственную агрессию на родителей или свою совесть, он сохранит душевное здоровье.

Проекции могут относиться к самым неожиданным объектам и ситуациям. Один из моих пациентов большую часть времени проводил в тревоге по поводу своих гениталий и тех ощущений, которые в них возникали. Он часто представлял себе, что его пенис исчезал в животе, что это как-то совсем не по-мужски или что это доказывает его слабость. В любом разговоре он всегда сворачивал на тему своего пениса. Анализ его генитальных и оральных проблем принес облегчение, но не разрешение их. Тогда до меня внезапно дошло, что его функции Эго сводились к жалобам и редким периодам плаксивости и раздражения. Куда подевались остальные черты его личности? Они были спроецированы на пенис. Он не думал, что избегает определенных ситуаций, но в подобных случаях ощущал, что его пенис исчезает в животе. Он не чувствовал себя слабым, слабыми были его *гениталии*. Вместо того, чтобы попытаться преодолеть однообразие своей жизни, он постоянно старался вызвать новые ощущения в своем пенисе.

Подобный случай, вне сомнения, — исключение. То, что мы видим достаточно часто, это *проекция на прошлое*. Вместо того, чтобы выразить эмоцию, вызванную актуальной ситуацией, пациент воскрешает воспоминание. Вместо того, чтобы сказать аналитику: «Вы говорите много чепухи», он с видимым безразличием внезапно припоминает один случай, когда он обрушился с нападками на своего приятеля за то, что тот «говорил много чепухи». Подобного рода игнорирование проекции на прошлое помогает психоанализу с одной стороны поддерживать догму о крайней важности про-

¹ В оригинале Перлз пользуется игрой слов «reproach» и «approach», выделяя в них соответственно префиксы «re-» (указывает на повторение действия) и «ap-» (встречается в глаголах, связанных с установлением контакта: например «арреаг», «арпеал», «арпеаз» и т.д.) (прим. перев.).

шлого, а с другой — мешает прояснению сути существующих в данный момент конфликтов.

Обычно нежелательный материал всецело проецируется на внешний мир. Порою обнаружить проекции оказывается действительно очень сложно; например, в случае с невротической потребностью в любви, всегда бывшей камнем преткновения для аналитической теории и практики. Карен Хорни осознала, насколько важна роль, которую данная черта характера играет у современных невротиков, и я уже объяснил, что эта потребность не может быть удовлетворена, поскольку любовь, будучи предложенной, фактически не принимается и не ассимилируется.

Психоанализ и индивидуальная психология (Адлер) выдвигают догмат, гласящий, что невротик остается более или менее инфантильным. Потребность в любви, конечно, имеется у всякого ребенка, а неспособность любить часто является характерной чертой невротика; но способность любить ни в коей мере не принадлежит одним взрослым. Ребенок любит и ненавидит с такой силой, какой взрослые могут лишь позавидовать. Трагедия невротика не в том, что он так и не смог *научиться* любить, и не в том, что он регрессировал до инфантильного состояния; она происходит от *ингибиции*, сдерживания любви и еще более от неспособности ее выразить. Когда за несчастной любовью следует разочарование, это болезненное переживание заставляет его стараться не следовать своим эмоциям. Дело обстоит так, будто он решил: «Пусть другие занимаются любовью; я больше не стану рисковать». Однако всякий раз, когда он возбуждает в ком-то любовь, ситуация вновь становится опасной; он испытывает соблазн ответить любовью на любовь, но стыдится показаться смешным или романтическим. Он боится, что кто-то получит над ним преимущество или что ему придется выслушивать упреки. Если же, вдобавок, у него оральный характер, жажда любви совпадает у него с его основной потребностью.

Невротик проецирует сдерживаемую любовь и в результате в своих ожиданиях и фантазиях он вызывает видения, в которых к нему испытывают как раз те самые нежные чувства, которые он в себе подавляет. Другими словами, он страдает не от неспособности любить, а от торможения — от страха полюбить слишком сильно.

Как и невротическая «потребность в любви», так и другой симптом, считающийся в классическом психоанализе не-

вротическим симптомом номер один, опирается на проекцию. Я говорю о комплексе кастрации, который основывается на страхе, что гениталии могут быть полностью или частично уничтожены. Чтобы доказать существование подобного комплекса, фрейдисты интерпретируют каждую часть человеческого тела как пенис. Даже материнское требование к ребенку пользоваться горшком истолковывается ими как кастрация. Психоанализ, однако, упускает из виду тот важнейший факт, что при всем многообразии так называемых заменителей пениса только один фактор остается постоянным, а именно повреждение; всякое дисциплинирующее обучение угрожает причинить, а порок и причиняет вред чему-то, будь то пенис, глаза, ягодицы, мозг или гордость. Возобновляющийся страх повреждения у невротика может быть излечен не втискиванием всевозможных символов пениса в комплекс кастрации, но скорее избавлением его от проекций невротической агрессии, от не нашедшего себе выражения желания угрожать и причинять вред.

Молодой человек с сильной, хотя несчастливой, материнской фиксацией признался, что избегает полового сношения из-за страха, что с его пенисом может что-то случиться во влагалище. Его сны показали, что он испытывал страх перед *vagina dentata* («зубастым влагалищем»). Женские гениталии представлялись ему чем-то вроде акулы, которая откусит его пенис. Очевидно, это был недвусмысленный комплекс кастрации. Он был художником и испытывал необычайное отвращение к любым отзывам о своих работах из-за *острых* критических укусов, которые могли в них содержаться. Он избегал всего, что угрожало его пенису и его нарциссизму.

Дальнейшее исследование симптомов принесло разгадку его невроза: он вряд ли когда-либо пользовался передними зубами и боялся обидеть даже муху — два феномена, части встречающиеся вместе. Кусание и причинение боли были спроецированы, но не только на влагалище, так что страх боли распространялся не только на пенис. На мой взгляд, считать, что пенис — это единственный и более того, первичный объект, — весьма сомнительное решение и означает принятие симптома за причину. Даже если такого рода невротика можно было бы убедить, что влагалище не представляет никакой опасности, его проблемы не закончились бы на этом, поскольку комплекс кастрации не является цен-

тральным пунктом его невроза. Это всего лишь еще один результат проецирования агрессивности. Он может приобрести половую потенцию, но страх ущерба (например, его престижу) тем не менее способен сохраниться, и он просто-напросто займется поиском очередного экрана для своих проекций. Робость нашего пациента прошла, когда он научился пользоваться своей агрессивностью, вгрызаться, получать от жизни то, что ему причиталось. В ходе лечения я услышал с его стороны острейшую критику.

Проекция — это галлюцинации в самом строгом смысле этого слова. Кошмар мальчика являлся подобной проективной галлюцинацией, которая занимает место центрального симптома при настоящей паранойе. В тех случаях, когда у человека остается достаточно чувства реальности, галлюцинации рационализируются; здесь мы можем говорить о паранойальном характере. Типичен поиск «обстоятельств», чего-то реального, что могло бы убедить параноика, что он не галлюцинирует. Болезненно ревнивый муж, например, устроит засаду и попытается поймать свою жену в капкан, чтобы уличить ее в том, что она улыбается кому-то еще; и если это происходит, он истолковывает ее улыбку в соответствии с заранее обдуманной идеей ревности¹.

Одного человека преследовал страх, что однажды он будет убит свалившейся с крыши черепицей. Он старался не ходить вдоль домов и, забредая на проезжую часть, испытывал повышенный риск быть задавленным машиной. Его, естественно, невозможно было убедить в том, что шансы быть убитым черепицей составляют один к миллиону. Однажды он принес мне газетную вырезку и с триумфальным видом показал, что какой-то человек *был* убит черепицей: «Вы видите, я был прав; такие вещи *действительно* случаются». Он искал «доказательства» и нашел-таки одно; в конце концов его страх растворился после того, как он избавился от проекции своего специфического желания высываться из окна и кидать камни в тех, кто поступил с ним «несправедливо».

Более легкие случаи параноидного характера отличаются определенной избирательностью, которая подчеркивает некоторые характерные черты личности и игнорирует другие.

¹ Ревность всегда происходит из невыраженных, проецированных желаний.

Подвергшиеся нападению черты относятся к проекциям, к отчужденным чертам параноидной личности. Проекция, таким образом, является очень удобным средством для того, чтобы избежать решения проблем, возникающих при амбивалентном отношении. Проецируя свое собственное враждебное отношение, легко быть терпимым. Разве не заслуживает такой человек, чтобы его похлопали по плечу за то, что он — такой хороший, а мир вокруг — такой плохой?

Так как для организмической концепции не достаточно исследования чисто психологических аспектов, мы можем попытаться найти, какие телесные процессы соответствуют процессу проецирования.

Глава 11

ПСЕВДОМЕТАБОЛИЗМ ПАРАНОЙЯЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ

Два рисунка могут в простой форме продемонстрировать работу пищеварительного тракта: рис. 12 показывает здоровый пищевой метаболизм; рис. 13 — патологическое явление, напоминающее метаболизм, но им не являющееся, которое может быть названо псевдометаболизмом.

Рис. 1

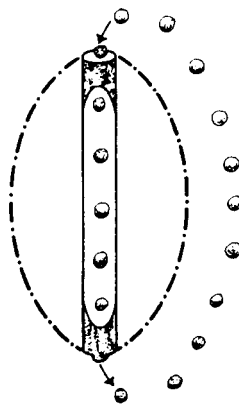

Рис. 2

Пищеварительный тракт представляет собой кожу, отделяющую организм от внешнего мира (подобно эпидермису). Пока пища находится внутри тракта и не проникла сквозь его стенки, она все еще изолирована от организма. В каком-то смысле она остается частью окружающего мира, подобно кислороду в легких перед тем, как он всасывается в альвеолах. И кислород, и пища становятся частью организма лишь после всасывания.

Без надлежащей обработки (пережевывание и т.д.) пища не станет усвояемой. Люди, которые недостаточно пережевывают пищу, могут обнаружить в своем кале целые зерна кукурузы, ягоды и тому подобные вещи. Интроецированный материал остается вне организма и впоследствии справедливо ощущается как нечто чуждое «Я», нечто, вызывающее дентальную агрессию или желание избавиться. Этот материал испражняется не в виде отходов, а в виде *проекции*. Он исчезает не из мира проецирующего человека, а только из его личности.

Под влиянием сопротивления здоровые процессы принятия пищи и дефекации часто превращаются в патологические состояния интроекции и проекции; с помощью сенсорных сопротивлений (гипостезия) ротовое и анальное отверстия становятся зонами конфлюэнции вместо того, чтобы регулировать коммуникации.

Когда я впервые натолкнулся на случаи, в которых пациент не принимал, а проецировал материал, высвобожденный из Бессознательного психоанализом, я попытался разгадать, каким образом этот материал мог выскользнуть наружу без контакта с Эго, без осведомленности пациента об этом процессе. Решением загадки оказалась структурная идентичность телесных и душевных процессов. Во всех этих случаях у пациентов имелась анестезия, нечувствительность ануса. Таким образом, аналитический материал, также как и фекалии, не профильтровывался (используя терминологию Федерна) сквозь границы Эго; или, как бы я предпочел сказать, Эго не существовало, не функционировало. Поскольку между организмом и средой существовала конфлюэнция, не замечалось, что части личности покидали организм.

Одно из следствий анестезии зачатку простирается далеко за пределы прямой кишки. Ощущается, что потребность в дефекации существенно понижена, и появляется неуверенность, выражающаяся в постоянном напряжении сжимающих мышц ануса и хроническом запоре. Контроль за де-

фекацией происходит не биологическим путем; анус, в целях безопасности, жестко закрыт; дефекация форсируется, и часто образуются геморроидальные шишки. Не чувствуется прохождение фекалий через анус; этот процесс протекает без соответствующих ощущений. Дефекация сопровождается не полной осознанностью, а блужданием мыслей, порою даже чем-то вроде трансa.

Здоровый организм ассимилирует физическую и духовную пищу и превращает ее в энергию, которая находит себе применение в деятельности; эта энергия проявляется в работе и эмоциях. Негодный материал выбрасывается в качестве отходов и в разрядке, его выражают, но не проецируют.

При псевдометаболизме взятый внутрь материал недостаточен ассимилируется, проходит сквозь личность и выходит наружу более или менее не использованным, унося с собой свою энергию. Она выскальзывает наружу, не выполнив свою задачу внутри организма. Если материал только лишь выбрасывается из организма как отходы, ущерб, причиненный организму, можно возместить. Потеря может быть в значительной степени компенсирована увеличением объема пищи. («Интроектор» жаден, и определенное количество поглощенной пищи всегда достигает тканей, несмотря на недостаточное разрушение ее во рту.) Получается, однако, что в той степени, в какой могучий пищеварительный инстинкт остается неудовлетворенным, организм стремится восстановить вещество, из которого он сам состоит. На примитивном уровне мы сталкиваемся с этой тенденцией в случае копрофагической перверсии, на более высоком — в случае агрессивности параноика по отношению к своим проекциям.

* * *

Для того, чтобы понять патологию псевдометаболизма (особенно парадоксальную тенденцию параноидного характера быть одновременно и очарованным своими проекциями, и относиться к ним враждебно), необходимо подчеркнуть ту роль, которую в данном процессе играет подавленное отвращение. Интроекция идентична пище, слишком быстро проходящей через оральную зону. Если бы определенный продукт был распробован, это вызвало бы отвращение и рвоту; чтобы избежать этого, пища быстро проглатывается, а отвращение подавляется. Результатом является общая оральная анестезия и, в точности как в анусе, создается зона конфлюэнции. (Такая оральная анестезия была долгое время известна в

медицине в качестве истерического симптома.) Как только цензора — вкус и чувство пищи — лишают голоса, не остается никакого различия, разборчивости. Все заглатывается без разбора как физически (пища), так и психически (знания). Бок о бок с недостаточной разборчивостью идет недостаточная сосредоточенность — блуждание мыслей и другие неврастенические симптомы.

Если мы станем рассматривать подавленные воспоминания как скопление непереваренных кусочков, мы увидим два пути избавления от них: ассимиляция или выброс. Чтобы быть ассимилированным, материал должен оказаться вновь пережеванным, а для того, чтобы его можно было заново пережевать, его надо извергнуть наружу. Отвращение является эмоциональным компонентом рвоты. Если этот непереваренный материал не извергнуть в виде рвоты (не повторить), он направляется в противоположном направлении, на выброс.

Выброс не ощущается как отделение, так как благодаря анальной анестезии образовалась конфлюэнция: *выброс превращается в проекцию*. Организм продолжает атаковать и разрушать недавно спроецированный материал, который закрепляется за определенными объектами внешнего мира. Когда эти объекты становятся «фигурами», организм отвечает на их появление агрессией: враждебностью, мстительностью и преследованием.

Такого рода паранойяльное преследование — весьма замечательный феномен. Это попытка установить границу Эго, которой не существовало в момент проецирования. Но эта попытка обречена на неудачу, поскольку параноик желает атаковать материал, являющийся частью его самого, обращаясь с ним так, будто он принадлежит внешнему миру. Он не может оставить «проекцию» в покое, так как его агрессия в основе своей имеет пищеварительную природу. Однако поскольку данная агрессия не применяется подобно дентальной агрессии, разрушение безуспешно ведет лишь к повторной интроекции. Переваривание и повторное переваривание остаются незавершенными, противник поглощен, но не ассимилирован, он проецируется затем вновь и воспринимается как преследователь¹. И так далее, и так далее. Анестезия как ротового, так и анального отверстия приводит к потере

¹Преследование собственных проекций сменяется при настоящей паранойе идеей «себя как преследуемого».

осознанности: чувство пищи (смакование вкуса и понимание его структуры) и чувство дефекации перестают быть функциями Эго.

Поскольку неассимилированный материал не просто выбрасывается и отвергается за ненадобностью, но и проецируется во внешний мир, в нем оказывается все больше и больше ранее спроецированного материала, который опять-таки остается не полностью переваренным. Возникает порочный круг, который приводит к тому, что паранойяльная личность постепенно теряет контакт с реальным миром, изолируется от всего окружающего. Человек живет в «воображаемом» мире. Обычно он не осознает этот факт благодаря тому, что неспособность рта и ануса управлять коммуникацией привела к конфлюэнции между ним и проецируемым миром, который он принимает за реальный¹.

Следующий пример может послужить иллюстрацией к развиту цикла проекции/интроекции. Некий мальчик восхищен великим футболистом. Его воодушевление осмеивается, поэтому он подавляет его и проецирует свое восхищение на сестру, воображая ее поклонницей этого героя. Позднее он интроецирует героя и хочет, чтобы восхищались им самим. Чтобы завоевать восхищение, он «выпендривается» и пускает в ход весь свой детский репертуар. Сестра отплачивала ему ворчанием и насмешками вместо восхищения. Мальчик становится застенчивым и тайне лелеет мечты о том, чтобы стать выдающимся спортсменом. Теперь он встал на путь превращения в невротика, но он все еще не параноик. Это, однако, может случиться, если он станет в то же время завидовать своему бывшему герою, который в его воображении превратился в соперника, и выражать недовольство его успехами. Если он затем начнет проецировать свою зависть и посредством этого приобретет уверенность в том, что мир завидует его (воображаемым) достоинствам, то поставит перегородку между собой и своим окружением; он притаится и станет молчаливым или наоборот — раздражительным и вспыльчивым. Основание паранойяльного характера, возможно даже будущей паранойи, уже заложено.

Я преднамеренно упростил паранойяльный метаболизм. Существует намного больше зон, сквозь которые интроекции

¹ Если бы по крайней мере не подавлялось отвращение, мощный его барьер воспрепятствовал бы реинтроецированию проекций, и порочный круг мог бы быть прерван. Отвращение является границей Эго, хотя, конечно, и не самой приятной.

и проекции проникают в организм и покидают его, но та частота, с которой обнаруживается связь между расстройствами пищеварительной системы и паранойяльными симптомами, настолько очевидна, что можно с уверенностью рассматривать псевдометаболизм в качестве первичного симптома.

Среди прочих симптомов мы находим в половой сфере ревность и вуайеризм. Один молодой человек был слишком скромнен для того, чтобы вступить в половое сношение со своей невестой, и проецировал свои мысли на приятеля, к которому стал ее ревновать. Нетрудно было показать ему, что он визуализировал именно то, что ему не удавалось выразить как собственное желание, повторная идентификация быстро прояснила ситуацию.

С другим пациентом дело обстояло не так просто. Здесь процесс зашел дальше. Этот человек был женат, и после проецирования он интроецировал своего воображаемого соперника. Во время полового акта он вел себя так, «как будто» он был другим человеком. Не согласуясь со своими биологическими потребностями, он вместо этого сосредотачивался на спектакле, где изображал своего друга. Контакт с женой был недостаточен: половой акт не приносил удовлетворения и оставался по сути своей незавершенным. Это только подстегивало проекции и интроекции в их следовании по порочному кругу.

В другом случае недостаточное чувство пениса создало конфлюэнцию. На этот раз пенис проецировался на женщину, и начался пожизненный поиск женщины с пенисом. Здесь налицо настоящий комплекс кастрации или, скорее, галлюцинаторная кастрация, имеющая отношение к отсутствию адекватных ощущений.

Ранее мы уже имели дело с иным аспектом комплекса кастрации: а именно, с тем, что проецированная агрессия рождает страх за какую-то часть себя (например, пенис). Существует, однако, одна жалоба, которую психоанализ также относит к комплексу кастрации, но которая не может быть объяснена проецированной агрессией. Многие мужчины верят, что потеря семени делает их слабыми или больными; другие живут в постоянном страхе потери денег и нищеты. Если какая-нибудь деятельность проецируется, Эго ощущает себя пассивным; в случае проецируемой агрессии оно чувствует, что на него нападают. Однако потеря энергии ощущается как функция самого организма, а не как результат нападения.

Проецирующий человек действительно теряет энергию вместо того, чтобы использовать и выражать ее. В вышеприведенном примере мальчик вместо того, чтобы испытывать восторг (а с ним и острую радость жизни), пускается во все тяжкие для того, чтобы заставить людей восторгаться собственной персоной. Проецируя свой восторг, он теряет его; это становится первым шагом к ослаблению личности.

Один пациент, обладающий паранойяльным характером, пожаловался мне, что несмотря на пониженную сексуальную активность, он испытывает постоянную потерю энергии. Он страдал от преждевременного семяизвержения. Он проецировал свое семя, едва ощущая разрядку и ничего не испытывал даже приближаясь к настоящему оргазму. Вместо временной конфлюэнции его личности с женой, вместо единения, которое характеризует половой акт, всегда существовало половое перевозбуждение, но не личный контакт.

Верно, что в момент оргазма, возникает конфлюэнция, такое слияние мужчины и женщины в одно целое, при котором индивидуальность и окружающий мир перестают существовать. Но эта конфлюэнция есть высшая точка на повышающейся кривой личного, кожного и, наконец, генитального контакта. Переход феномена контакта/изоляции в конфлюэнцию проявляется как сильное чувство удовлетворения¹.

Люди с преждевременным семяизвержением характеризуются неразвитой зоной контакта и слабыми функциями Эго. Их возможности для генитального контакта так же малы, как ослаблена их способность к контакту с пищей. Так же, как они требуют немедленного перетекания молока безо всяких усилий, они позволяют своему семени вытекать, не создавая границы контакта и не пропуская его через нее, к примеру, без переживания удовлетворения. Преждевременное семяизвержение — это характеристика человека, неспособного к сосредоточенному усилию. *Усилие* проецируется, и ожидается, что оно будет произведено не самим субъектом, а кем-то еще. Такие случаи кажутся проявлением либо инфантильности — зависимости от заменяющего мать, либо начальственной позиции, предполагающей наличие наемных рабочих и слуг, выполняющих за них работу. В обоих случаях (они иногда встречаются вместе у одного и того же человека) крах наступает тогда, когда им приходится самим вставать на ноги.

¹ Хорошо известным примером является сладкое примирение после ссоры.

В примере с преждевременным семяизвержением специфическое усилие проецировалось, а единственным видом личностной экспрессии оставалось неспецифическое возбуждение (раздражение). Бывает и противоположный случай: фригидная личность проецирует свое *возбуждение* и, в то же время, чрезвычайно сосредоточенно прилагает бесплодные («пустышечные») усилия. В сексуальной сфере эти фригидные типы избегают необходимой разрядки и выражения сильного возбуждения, но в то же время делают все, чтобы возбудить своего партнера. Сами они остаются пустыми, неудовлетворенными, разочарованными или, в лучшем случае, довольствуются жалким заменителем, садистским удовольствием от сознания достигнутой цели возбуждения партнера, в то время как сами они остались бесстрастными. Их фригидность является фортификационным сооружением, через которое они стараются проникнуть, но вознаграждение, получаемое ими в сексуальном, равно как и в оральном, плане столь же недостаточно, как и в случае с преждевременным семяизвержением. Они выматываются до такой степени, что после полового акта чувствуют себя не счастливыми, а только истощенными. При обоих типах нарушений (преждевременной и задержанной эякуляции) никогда не происходит завершения ситуации и организм не достигает требуемого равновесия.

Невротик со своей неутолимой жадой любви и восхищения находится в такой же ситуации. Даже когда он получает вожделенную любовь, он не испытывает ожидаемого удовлетворения. Его псевдометаболизм обычно достаточно прост; он жаден до получения справедливой оценки, но когда он получает ее (в виде критического или благоприятного отзыва), он либо отвергает, либо интроецирует, неразборчиво проглатывает ее. Он не извлекает для себя пользы из этого подарка, не ассимилирует, но проецирует оценку и продолжает двигаться по порочному кругу. Потеря энергии за счет проецирования, то есть за счет недостаточной ассимиляции, приводит к атрофии личности у человека с паранойальным характером.

Глава 12

КОМПЛЕКС МЕГАЛОМАНИИ-ИЗГОЙСТВА

Так как при паранойальном характере различные циклы интроекции/проекции протекают одновременно, в целях анализа они должны быть изолированы. Один из этих циклов заслуживает особого интереса. Он присутствует у всякого параноика и, в более мягкой форме, в повседневной жизни. Подходящим названием для этого цикла было бы «комплекс мегаломании-изгойства», или, используя более привычное выражение, комплекс превосходства-неполноценности. Одна его половина — комплекс неполноценности — стала любимицей публики номер один.

В то время как А.Адлер, отец «чувства неполноценности», утверждает, что его источником является полученная в детстве травма, основанная на некоторой физической неполноценности, В.Райх видит в нем симптом импотенции. Оба они, однако, упускают из виду тот факт, что чувства неполноценности появляются в ситуациях, когда высокомерные и им подобные люди не справляются с поддержанием своего положения превосходства.

В этой главе я намереваюсь описать особую связь, возникающую между чувством неполноценности и специфическим видом оценки, происходящую из оценивания фекалий. Те, кто наиболее сильно страдают от чувства неполноценности, ощущают себя изгоями, отверженными всем миром. В другое время у них появляется высокомерие; мегаломани-

ческие фантазии (часто скрывающиеся в мечтах), в которых они видят себя королями, вождями, лучшими игроками в крикет и т.д., и получают право смотреть на товарищей сверху вниз. При подлинной паранойе эти фантазии становятся убеждениями.

Мы имели дело с одной из причин подобных фантазий, проекциями, превращающими восхищение в навязчивую жажду восхищения со стороны других. Даже если это желание не может исполниться, воображаемое претворение его в жизнь обнаруживает нарциссическую цель и выгоду, а именно — быть «царем горы» (собакой сверху), быть лучше всех, сильнее или красивее других, или, по крайней мере, лучше соперника. Оказавшись наверху, мечтатель может презирать и осуждать мир, смотря на ближних сверху вниз. Один мальчик мечтал, чтобы его отец — личность весьма внушительная — стал гномиком.

И снова тот же порочный круг: «Чем выше заберешься, тем больше падать». Презрение проецируется на других, и мечтатель чувствует себя презираемым, отверженным — изгоем. Вскоре он интроецирует презирающего и начинает относиться к другим, как к изгоям.

Ретрофлексия усложняет данный цикл: в некоторых случаях периоды мегаломании и «изгойства» совпадают; личность параноика тогда раскалывается надвое; он ретрофлексирует свое презрение и презирает «себя» за свои отличительные особенности или действия; он является презирающим и презираемым одновременно. Чем сложнее ему принять свое истинное «Я», тем большее возникает искушение оправдаться, потребовав невозможного от себя и окружающих. В течение периода проекции он воображает, что к нему постоянно предъявляются некие требования. Одна из моих пациенток не способна была вынести и часа, если он не был чем-то заполнен — она набивала делами распорядок дня точно так же, как набивала желудок; но как только она договаривалась о чем-нибудь, это становилось для нее обязанностью, долгом, невыполнение которого было для нее равносильно смерти.

Часто можно встретить трудности в принятии комплиментов, добрых чувств, подарков и т.д. В периоды «изгойства» *неспособность* таких людей *принимать* знаки любви проецируется, они чувствуют себя недостойными и ничто не может убедить их в обратном. Если происходит ретрофлексия, они не могут принять себя такими, какие они есть. Им

не нравится исходящий от них запах, они не выносят собственного вида и так далее.

Комплекс «мегаломании-изгойства» отличается от более широкого явления псевдометаболизма тем, что он оказывается заряжен оценками, более или менее похожими на общепринятое отношение к фекалиям. В психоаналитической интерпретации фекалии по большей части символизируют нечто ценное: ребенка (напоминание о ситуации рождения) или деньги (выражение через противоположное). Эти интерпретации могут быть верны, если речь идет о ребенке. В это время фекалии часто рассматриваются матерью и ребенком как подарок, но вскоре, в период приучения к чистоплотности, ребенок научается презирать их и интроецировать отвращение окружающих по отношению к ним.

Для современного взрослого фекалии принимают недвусмысленное, символическое значение чего-то мерзкого, вызывающего отвращение, невыносимого, чего-то, что вообще не должно существовать. «Ты — комок грязи, кусок дерьма» — чрезвычайно обидное ругательство. Символика мерзостного, отвратительного, невыносимого лежит в основе чувства «изгойства» или неполноценности. *В период интроекции — идентификации с фекалиями — паранойяльная личность ощущает себя грязью; в период проекции — отчуждения — она превозносит себя и воспринимает мир как грязь.*

Дурной («грязный») вкус, который параноики чувствуют во рту, напоминает о фекальном происхождении интроекций, и они слишком усердствуют в том, чтобы рассматривать многие вещи и поступки как «дурной вкус». Изо рта может действительно неприятно пахнуть, так как по моим наблюдениям у каждой паранойяльной личности наблюдаются нарушения пищеварительных функций. В случае желудочного невроза всегда можно ожидать появления сопутствующих паранойяльных черт.

Когда во время анализа паранойяльная личность начинает воспринимать проекции как презируемые части себя, она испытывает отвращение и сильный позыв к рвоте. Это добрый знак. Он указывает на возрождение цензора и границ Эго. Проекция больше не интроецируется слепо. Когда вкус оказывается восстановлен, отвращение (вызванное фекальным происхождением проекции) всплывает на поверхность. Без повторного появления отвращения анализ любого пищеварительного или паранойяльного невроза становится делом безнадежным.

* * *

Психоанализ уже обнаружил, что в большинстве невротозов имеется психотическое ядро. Паранойяльное ядро в невротозе навязчивых состояний до сих пор рассматривалось как неподдающееся лечению. Это ядро, однако, может быть растворено, если уделить достаточно внимания его пищеварительному компоненту.

Между паранойяльным и обсессивным характером находятся всевозможные переходные, но с определенными различиями, имеющими решающее значение. Паранойяльные функции по большей части бессознательны, а функции Эго серьезно расстроены; при обсессивном процессе функции Эго *качественно* преувеличены (почти застывая при этом), хотя сокращаются *количественно*. Кроме того, при невротозе навязчивых состояний онемение играет куда менее значительную роль, и основным фактором является актуальное сознательное избегание контакта. Избавление от «чувства» загрязненности достигается стремлением постоянно мыть руки и избегать контакта с грязью. Таким образом, чувство загрязненности проецируется куда в меньшей степени, нежели у параноика. В оральном отношении у страдающего невротозом навязчивых состояний наблюдаются не такие полные, законченные интроекции, как в случае с параноиком, но избегание кусания и причинения боли становится более актуальным. Также наблюдается жесткость мускулов, главным образом челюстных. Кажется, что страдающий невротозом навязчивых состояний старается при кусании избегать соприкосновения верхних и нижних резцов, обеспечивая тем самым оральную конфлюэнцию. В противоположность параноику он часто использует коренные зубы, но оказывается неспособен к «ровному разрезу»; он опасается причинять вред впрямую и аккумулирует громадное количество агрессии (негодования, чувства обиды). Как следствие, львиную долю его навязчивых мыслей занимают мысли о причинении боли и убийстве.

Опасность, что эти фантазии об убийстве могут претвориться в жизнь, отсутствует на обсессивном краю шкалы промежуточных стадий, но повышается по мере приближения к паранойяльному краю (можно сравнить с превосходными очерками из жизни параноиков в фильме «Гнев небесный» и романе Кронина «Замок шляпного мастера»).

Как невротозу навязчивых состояний, так и параноие свойственно сильное стремление к конфлюэнции. Но параноик, в

отличие от страдающего неврозом навязчивых состояний, не осознает этого; последний живет в постоянном страхе потери индивидуальности и самоконтроля. Он уходит от опасности соскальзывания в паранойяльную конфлюэнцию благодаря установлению границ. Его защита, подобно Линии Мажино, страдает от недостаточной подвижности. Цепляясь за такие жесткие границы, он обретает ложное чувство безопасности, подобное тому, которое испытывали французы: они были недостаточно осведомлены о существовании конфлюэнции, проходящей через страны Бенилюкса (так как конвенциональные границы не существовали для Гитлера), и о необходимости установления гибких обороняемых границ. Линия Мажино превратилась в «пустышку» — неразрушимый, но обладающий жесткой и поэтому неспособной к адаптации структурой, объект.

Дальнейшие исследования прольют больше света на связь между неврозом навязчивых состояний и паранойей. Одно кажется определенным: при обоих заболеваниях, в отличие от истерии и неврастении, наблюдается очень небольшая вероятность ремиссии или спонтанного излечения, и скорее имеется тенденция к постоянному ухудшению ситуации. Неудивительно, что это напоминает порочный круг паранойяльного метаболизма и всевозрастающую склонность к избеганию у страдающего неврозом навязчивых состояний. Оба эти явления постепенно приводят к распаду, дезинтеграции личности. На продвинутых стадиях заболевания оба типа теряют способность улыбаться, ценить юмор. Они всегда смертельно серьезны.

Открытие паранойяльного ядра в обсессивном неврозе влечет за собой одну опасность. Можно поддаться искушению «срезать угол» и заниматься одним ядром. Это будет серьезной ошибкой и только увеличит потребность в занятиях, связанных с «пустышкой», и страдания невротика. Необходимо, следовательно, «отточить», обострить притупленную агрессивность. Для этой цели возможно использование симптома, который всегда встречался мне в подобных случаях и который обладает тем преимуществом, что является феноменом контакта, хотя зачастую и искажается проекцией. Человек с обсессивным характером любит причинять боль и выставлять людей дураками: отношение, часто хитро скрываемое (например, тогда, когда людей заставляют чувствовать себя глупыми, бессильными или сконфуженными), но на ранних стадиях проявляющееся в очень примитивной

форме. Достаточно интеллигентный молодой человек задавал своему отцу, обладающему университетской степенью, глупые вопросы вроде: «Папочка, ты такой умный, я уверен, ты можешь сказать мне, сколько будет трижды четыре?» Если, однако, обсессивные невротики проецируют свое дуракаваляние, они даже не извлекают из него удовольствия и живут в постоянном страхе, поддерживая в себе иллюзию, что из них делают дураков.

Лечение невроза навязчивых состояний должно предотвратить дальнейшее распространение избегания агрессивности и провоцировать ее непосредственное выражение. Как только это оказывается достигнутым, лечение сводится к методу, применяемому к параноикам, которым мы обязаны помочь разорвать порочный круг проекции/интроекции и обратить этот процесс вспять путем возобновления здорового функционирования Эго.

Не имеет значения, в каком месте был впервые разорван порочный круг, при условии, что структура действий держалась в уме, сама работа проводилась с позиций холизма и в ней присутствовали целиком и полностью все три основных момента:

(1) Тщательное размельчение телесной и духовной пищи в качестве подготовки к ассимиляции; особое внимание должно уделяться извлечению наружу подавленного отвращения и «пережевыванию» интроекций.

(2) Функция чувства дефекации и развитие способности выносить смущение и стыд. Обучение распознаванию и ассимиляции проекций.

(3) Снятие груза ретрофлексированного.

Теперь мы разобрались со всеми пунктами вышеуказанного предписания за исключением «способности выносить смущение и стыд» (в пункте 2), которое требует к себе несколько большего внимания.

Глава 13

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Существует разделение на соматические, интеллектуальные и эмоциональные сопротивления в соответствии с тремя аспектами человеческого организма: телом, разумом и душой. Подобная классификация сопротивлений является, конечно, искусственной. Все три аспекта будут присутствовать в каждом случае, но в разной степени и разной компоновке. В большинстве случаев, однако, один из аспектов будет доминирующим и обеспечит более удобный подход к остальным.

Предыдущие главы были посвящены сенсомоторным (соматическим) сопротивлениям. Интеллектуальные сопротивления — это оправдания, рационализации, словесные требования совести и цензора, важность которых была доказана Фрейдом. Но, несмотря на подчеркивание в основном психоаналитическом правиле важного значения смущения, его теоретические интересы лежали скорее в сфере детального исследования интеллектуальных, нежели эмоциональных сопротивлений. И по сей день эмоциональные сопротивления — за исключением враждебности — не входят в круг интересов психоанализа настолько, насколько они этого заслуживают.

Мы можем поверхностно классифицировать эмоции на дополняющие и недополняющие, ♀ и ♂, положительные и отрицательные.

Среди *неполных эмоций* числятся беспокойство и печаль, служащие выразительными примерами. Печаль может длиться часы и дни, если не набирает достаточной силы для того,

чтобы разрядиться в порыве плача, который восстановил бы равновесие в организме.

Беспокойство связано с ворчанием и нытьем и соотносится с неуверенным откусыванием кусочков пищи. Беспокоящийся человек не доводит действия до конца, агрессия частично подавлена и возвращается к нему в виде нытья и беспокойства. Ее постигает обычная судьба подавленной агрессии: она либо проецируется и тем самым превращается в пассивность («Я *беспокоюсь* насчет того или сего», «Мысль о том, чтобы пойти на эти танцы, все время *беспокоит* меня»), либо ретрофлексивируется («Я так *беспокоюсь*, что это меня в могилу *сведет*»).

Если мать никак не выражает раздражение, вызванное поздним приходом дочери, оно превращается в беспокойство или фантазии о несчастных случаях. Если она «испилит» ее по приходе домой, ситуация окажется завершенной; но если она не решится так поступить, или если ей приходится разыгрывать дружелюбие и любовь, она поплатится за свое лицемерие бессонницей или, по меньшей мере, кошмарами.

Мальчик прекращает беспокоить свою мать сразу же, как только она даст ему сладости, как только действие было предпринято. Среди «беспокойных» взрослых всегда имеются те, кто не предпринимают действие сами, но ждут, пока за них это сделают другие. Неспособность обсессивного типа к выполнению действий ввергает его в постоянное беспокойство; вечная раздраженность параноика обязана своим возникновением неосознанным и незаконченным попыткам переделать свои проекции на новый лад. Один из моих пациентов, обсессивно-паранойальный тип с доминирующими обсессивными чертами, неделями беспокоился по поводу малюсенького пятнышка у себя на пальто. Он не пытался удалить это пятнышко, поскольку боялся прикоснуться к грязи. Ему хотелось попросить жену удалить это пятнышко за него, но он подавлял и это желание и продолжал беспокоиться сам и своим молчанием беспокоил жену. Это была действительно незавершенная ситуация, если учесть, что для ее завершения, удаления пятна, ему потребовалось бы затратить всего пару минут.

Эмоцией, относящейся к незавершенным ситуациям, мы называем чувство *обиды*, которое невозможно понять правильно, не оценив значимость цепляющегося отношения. «Цепляющийся» человек не может отпустить свою добычу, отказаться от нее и обратиться к сулящим лучшие перспективы

занятиям или людям. В то же время, он неспособен успешно иметь дело с тем, кто стал объектом его фиксации: усиливая «присасывание», он не прекращает попыток извлечь что-то из уже выдохшихся взаимоотношений, не получая больше удовлетворения, а лишь изматывая себя и усиливая чувство обиды. Это, в свою очередь, приводит к еще более сильному «цеплянию», и гонка по все более расширяющемуся порочному кругу происходит *ad infinitum*.

Он не желает осознавать тщетности своих стараний, так как, с другой стороны, неспособен оценить возможности, открывающиеся ему при переходе к новому полю деятельности (дентальная импотенция). «Обиженный» проецирует свою дентальную потенцию на объект фиксации и тем самым наделяет его неукротимой мощью, которой затем приходится подчиняться самому «обиженному». Благодаря проекции он оказался не в силах создать адекватные отношения. Он не может ни отклонять, ни соглашаться с тем, что делает или говорит объект фиксации. Хотя он и неспособен соглашаться, он обнаружит, что надоедливо твердит одни и те же возражения — «ноет», а не «пережевывает» и не «переваривает» действие или высказывание. Если бы «обиженный» ассимилировал ситуацию, ему пришлось бы выпустить добычу, порвать с объектом фиксации, завершить ситуацию, пройдя через эмоциональный переворот, вызванный работой оплакивания, с тем, чтобы достичь нулевой точки смирения и свободы.

Потребность организма в завершении эмоциональных ситуаций лучше всего может быть продемонстрирована путем сравнения с процессом выделения. Мочу можно удерживать долгие часы, но мочиться возможно не более минуты. Сдерживание эмоций ведет к эмоциональному отравлению, так же как удерживание мочи вызывает уремию. Люди могут быть отравлены ожесточением по отношению ко всему миру, если им не удастся разрядить свою ярость по отношению к отдельному объекту.

И снова я должен предостеречь от принятия идеи, согласно которой, эмоции являются мистическими энергиями. Они всегда связаны с событиями в соматической сфере до такой степени, что часто бывает трудно отличить незавершенную эмоцию от незавершенного действия. Подобным же образом термины «катарсис» или «эмоциональная разрядка» станут теми выражениями, которые мы будем временно использовать, пока не узнаем больше о функциях, вовлеченных в этот процесс.

* * *

¶ и † эмоции могут быть аутопластическими и аллопластическими. Аллопластическое † принимает форму разрушения объекта (удовольствие от разгрызания хрустящей пищи, неистовой ярости и т.д.); аутопластическое разрушение — это резиньяция (отказ от объекта), работа оплакивания, сопровождающиеся в случае успеха плачем. Подавление плача вредно, поскольку оно препятствует приспособлению организма к потере или фрустрации. Когда кто-то причиняет вам боль, плач — не обязательно на виду у всех — процесс целительный. Воспитательный принцип «мальчики не плачут» способствует паранойяльной агрессии. Даже сержанты полиции порой говорят: «Не надо давать сдачи; лучше поплачь!»

Древние греки совершенно не стыдились плакать, хотя Ахиллес и был достаточно «крутым парнем». В современной литературе, особенно русской и китайской, часто можно прочитать, что герой плачет. Наряду с большей эмоциональной независимостью человек получает возможность независимо действовать (партизанская война).

Дифференцировка †, как мне кажется, заключается в следующем: аллопластическое разрушение представляется имеющим преимущественно физическую природу, аутопластическое — химическую. Аутопластическое разрушение, направленное вовне, проявляется как бессильная ярость или злословие, месть посредством слов. Оно больше походит на плевки, чем на укусы, и представляет малую ценность для организма.

* * *

Для того, чтобы понять «позитивные» и «негативные» эмоции, нам придется вспомнить закон диалектики о переходе количества в качество.

Всякая эмоция, всякое ощущение превращается из приятного в неприятное, когда его напряжение или интенсивность превышает определенный предел. Горячая ванна может сперва оказаться приятной, но чем выше становится температура, тем более неприятной она будет, пока не достигнет той точки, когда мы обваримся, и наша жизнь окажется в опасности. Для большинства людей чай обладает неприятным горьким вкусом, но добавьте одну-две ложки сахара, и вкус станет приятным; добавьте его сверх того, вы почувствуете тошнотворную приторность и скорее всего не станете пить такой чай. Дети любят, когда их обнимают, но им вряд ли понравит-

ся, если вы начнете сжимать их так, что «дух перехватит». В условиях патологии гордость сменяется стыдом, аппетит — отвращением, любовь — ненавистью. Дети легко переходят от смеха к плачу. Воодушевление и апатия, приподнятое настроение и депрессия представляют собой еще несколько эмоциональных противоположностей.

Негативные эмоции возбуждают желание избавиться от них. Они, однако, не могут превратиться в свои приятные противоположности, если мы не допускаем их разрядки, смены чрезмерного напряжения терпимым и дальнейшего перехода к нулевой эмоциональной точке.

Эмоции поддаются контролю, но весьма сомнительно, что они могут быть подавлены и вытолкнуты в бессознательное. При благоприятных условиях они разряжаются мельчайшими дозами (досада, например, проявляясь в угрюмости), при менее благоприятных обстоятельствах они либо проецируются, либо контролируются, и поддержание контроля требует постоянной бдительности.

Неспособность выносить неприятные ситуации мобилизует «предателей» организма: смущение и стыд.

Застенчивость — это тот же стыд в более мягкой форме, противоположный его полюс — гордость. В случае наличия этих эмоций, например, смущения, личность стремится стать «фигурой», противостоящей фону окружения. Если попытка ребенка показать свои успехи в каком-либо деле встречает интерес, похвалу и подбадривание, это будет способствовать его развитию; но если справедливая оценка удерживается при себе, похвала и известность становятся для него более значимыми, нежели само *делание*. Ребенок, вместо того чтобы концентрироваться на *объекте*, делает центром своего внимания *самого себя*. Лишите ребенка разумной похвалы, и у него появится постоянная, часто неутолимая, жажда ее. Экспрессия превращается в выставление напоказ, но попытки пускать пыль в глаза по большей части встречают отпор. Само достижение упускается из виду, тогда как его эксгибиционирование осуждается и подавляется. Подавление, в таком случае, превращает эксгибицию в нечто ей противоположное, в ингибицию (задержку, торможение); вместо того, чтобы «выносить наружу», ребенок «прячет внутрь себя» («*ex-habere*» и «*in-habere*»).

Если естественное выражение чувств ребенка встречается в штыки, гордость оборачивается стыдом. Хотя стыд подразумевает склонность к слиянию с фоном, исчезновению,

такого не происходит; изоляция от среды осуществляется символическим путем: лицо и другие части тела закрываются (краской стыда или руками), ребенок отворачивается, но, словно поддавшись каким-то чарам, стоит на месте как приклеенный. Психологический аспект этого явления особенно интересен. В соответствии с сильным чувством разоблаченности кровь приливает к действительно обнаженным частям тела (щекам, шее и т.д.) вместо того, чтобы направляться к тем частям тела, которые провоцируют появление чувства стыда (мозг: онемение, неспособность мыслить, пустота в голове, головокружение; мышцы: неуклюжесть, невозможность двигаться; гениталии: омертвелость, фригидность вместо ощущений и эрекции).

Так как наши способы выражения многообразны, мы способны испытывать стыд почти за все. Вообразите замешательство типичной крестьянской девушки, одетой в свое лучшее воскресное платье, под презрительным взглядом светской модницы. С подлинной наивностью, безо всякого желания окатиться на первом плане, она даже не испытывает смущения.

Для ребенка, построившего в саду замок, очень важно, заинтересуется ли и оценит ли его мама или станет кричать: «Посмотри, какой ты грязный! Что за беспорядок ты наделал! Тебе должно быть стыдно за себя!» Этот последний часто слышимый упрек принимает особенное значение для воспитания, поскольку не ограничивает вину каким-либо отдельным действием или положением, но осуждает и клеймит личность *в целом*.

Я назвал стыд и смущение предателями организма. Вместо того, чтобы способствовать здоровому функционированию организма, они препятствуют ему и тормозят его. Стыд и смущение (и отвращение) — те неприятные эмоции, которых мы стараемся избегать. В первую очередь они — орудия подавления, «опосредующие способы», образуемые неврозом¹. Также как предатели идентифицируют себя с врагом, а не со своим собственным народом, так и смущение со стыдом, застенчивостью и страхом ограничивают экспрессию индивида. Выражение чувств становится их подавлением.

Теперь становится очевидной ценность следования основному аналитическому правилу. Способность выдерживать смущение выносит подавленный материал на поверхность,

¹ Они, в свою очередь, имеют в своем распоряжении мышечную систему.

ведет к появлению уверенности и способности к контакту и помогает пациенту принять ранее отвергнутый материал в результате поразительно облегчающего жизнь открытия, что факты, вызвавшие смущение, могут быть не таким уж и криминалом и способны даже вызвать интерес у аналитика. Но если пациент подавляет свое смущение вместо того, чтобы выражать его, у него появятся бесстыдные, нахальные ухватки, и он начнет «пускать пыль в глаза» (без настоящей уверенности). Бесстыдство ведет к потере контакта. Потакание смущению (подавление) приводит к лицемерию и чувству вины. Поэтому аналитик просто обязан довести до сознания пациента, что ни при каких обстоятельствах тот не должен заставлять себя говорить что-либо ценой подавления смущения, стыда, страха или отвращения. Опасность подавления либо сопротивляющихся эмоций, либо действий, вызывающих неприятную эмоцию, должна постоянно держаться в уме наряду с требованием, что *для анализа необходима завершенная ситуация; эмоции сопротивления плюс подавленные действия.*

Взяв за пример агорафобию, мы видим, что наши пациенты избегают пересекать улицу и позволяют своему страху диктовать им, что делать или, скорее, чего не делать; или иначе, если совесть или окружающие требуют от них самоконтроля, они начнут подавлять свой страх. Они могут преуспеть в этом, лишь становясь напряженными и онемелыми, еще более усложняя тем самым свою невротическую позицию.

Успешное лечение фобии требует от пациента сопротивляемости как страху, так и побуждению действовать. Я разработал метод лечения, сравнимый с «заходом на посадку» в авиации. Студент летного училища делает несколько заходов до тех пор, пока ситуация не оказывается благоприятствующей посадке. Подобным же образом каждая новая попытка пациента пересечь улицу выносит на поверхность какую-то долю сопротивления, ту долю, которая должна пройти анализ и трансформироваться в адекватную функцию Эго, и так должно происходить до тех пор, пока ситуация не окажется подходящей для пересечения улицы. Давайте предположим, что агорафобия протекает на фоне бессознательного желания совершить самоубийство. Пониженная бдительность, возникающая вследствие онемения, способна лишь увеличить шансы пациента быть задавленным при «форсированном» пересечении улицы. Если мы принципиально оставим в покое его страх и заставим пациента сперва осознать, что он боится

не улицы самой по себе, но транспорта; если мы позволим ему преодолеть его преувеличенный страх машин, мы поможем ему сделать первый шаг на пути к нормальности. Позднее мы возможно обнаружим за его страхом быть убитым желание убить кого-то другого и то, что это желание настолько сильно, что его страх, очевидно, оправдан.

Один из наиболее интересных невротозов, который можно назвать «парадоксальным невротозом», возникает как следствие сопротивления сопротивлению. Таким образом, подавленный стыд трансформирует характер, делая его бесстыдным («*pudere*» = «быть пристыженным»), нахальным¹ («даже не краснеет»). Подавление отвращения не ведет к появлению аппетита, но к жадности и склонности набивать живот.

Определенные перверсии обязаны своей парадоксальностью попыткам управлять эмоциональными сопротивлениями. Мазохист, хотя он и сознательно ищет боли, боится ее, и, несмотря на все попытки привыкнуть к ней, никогда не будет в силах вынести ее сверх определенного предела. Эксибиционист постоянно занят подавлением стыда. Вуайериста («подглядывающий Том») бессознательно отталкивает вид того, за чем ему хотелось бы наблюдать.

Одно из фрейдовских определений невротоза утверждает, что это подавленная перверсия. Дело обстоит как раз наоборот. Перверсия и есть невротоз, тогда и до тех пор, пока она содержит в себе незавершенную ситуацию. Вуайерист не может смириться с тем, что он видит, и поэтому подглядывает снова и снова. Как только он убеждается в том, что он видит нормальное явление, его любопытство удовлетворяется и тем самым сводится к нулю.

Общим для всех этих случаев является то, что подавление эмоциональных сопротивлений отбирает у субъекта большую часть его энергии и интереса к жизни. То, чем они занимаются, по большому счету, так же изматывающе и бессмысленно, как попытки удерживать мяч под водой, надавливая на него сверху, чтобы он не всплыл. Стыд, отвращение, смущение и страх должны получить возможность выйти на поверхность, попасть в сознание.

Осознавание нежелательных эмоций и способность их выдерживать является непременным условием успешного излечения; эти эмоции получают разрядку и тогда они станут

¹ Исходное выражение звучит по-английски как «cheeku» — «щекастый» (примеч. перев.).

функциями Эго. Именно этот процесс, а не процесс припоминания, формирует *via regia* к здоровью.

Способность выдерживать неприятные эмоции необходима не только для пациента, но и для терапевта. Психоаналитический метод все еще страдает от личностных сложностей своего создателя: неспособности Фрейда выдерживать его собственное чувство смущения. В личном контакте, насколько я сам переживал и слышал от других, он подавлял свое смущение нелюбезностью и даже оскорбительной грубостью. В процедуре психоанализа, как он сам признавал, он чувствовал себя неловко и смущенно под взглядом пациента; он избегал неприятного напряжения, организуя аналитическую ситуацию таким образом, чтобы не попадаться на глаза пациенту.

Не так важно, что эта процедура стала догмой, которой прочно привержен психоанализ; кому бы не хотелось защититься от смущения? Еще независимо от последствий для аналитика, это обуславливает определенный недостаток аналитического лечения, так как дает пациенту возможность не видеть аналитика, который на него смотрит, а следовательно проигнорировать тот факт, что он находится под наблюдением, и избежать осознания смущения и стыда, с помощью которых он мог бы оздоровить развитие своего Эго.

* * *

Еще важнее, чем все эти эмоциональные сопротивления, оказывается неэмоциональное сопротивление, которое мы называем «сила кролика». Ни либидозный катексис, ни инстинкт смерти, ни обуславливание, ни теория запечатлевания никак не раскрывают истинных условий. Установка пустышки и страх неизвестности немного объясняет нежелание изменяться, но инерция и подлинная природа привычки остается самой темной загадкой.

Для практических целей нам может быть достаточно знаний о том, что привычки — это экономное приспособление, которое облегчает решение задач функции Эго, так как сосредоточение возможно только на одном объекте в одно и то же время. В здоровом организме привычки согласованы, нацелены на поддержание целостности. При некоторых условиях, например при взрослении или изменении окружения, привычки становятся неадекватны. Вместо поддержки целостности они разрушают ее, ведут к дисгармонии и конфликту. В таких случаях требуется реавтоматизация — проти-

вопоставление нежелательным привычкам тренировки желательных установок.

Подход Ф.М.Александера к этому вопросу наиболее интересен. Он ставит торможение перед активностью (переживание торможения идентично переживанию «точки творческого безразличия» по Фридландеру). Здесь не место обсуждать его отвержение организмических влечений, которые приводят к «забыванию вспомнить» (т.е. неосозанный саботаж, страх изменений). Я хочу указать, что его «торможение» приводит к деавтоматизации привычек и дает шанс почувствовать влечение за привычкой.

Давайте рассмотрим такой пример: у человека есть привычка вскакивать и ходить из угла в угол во время разговора с кем-нибудь. Вспоминая о том, что нужно сдерживать эту привычку, он может ее преодолеть, но основное влечение, поднимающее его с места, остается незатронутым¹. Возможно, он привычно смущается или впадает в панику, но он осознает только, что немножко нервничает. Он встает и уходит от тех людей, с которыми имеет дело, он прячется в раковину и это его единственный способ разобраться в своих мыслях. Другая возможность заключается в том, что во время разговора он становится раздраженным. Вместо того чтобы выразить свое раздражение, он убегает. И опять он ничего не узнает про свою потребность, кроме того, что чувствует себя утомленным.

Затормаживая, подавляя свой импульс, он, однако, удерживает его размытым, он осознает «голый» импульс. Я обнаружил, что очень небольшой результат достигается оттормаживанием значения импульса и переобуславливания, если одновременно с этим мы ничего не делаем с мощным внутренним влечением. Самый простой способ сделать это — поддержать его выражение. Если человек попросит своих коллег подождать немного, потому что он смущен или ему нужно дать выход своему раздражению, он сможет изменить неприятную привычку на адекватное управление ситуацией.

Однако это все детали. Они не умаляют ни в малейшей степени ценности выводов Александера о том, что человек должен замереть, прежде чем приступить к действиям или размышлениям. Чистым переобуславливанием он уменьша-

¹ В этом отношении техника Фрейда напоминают технику Александера, при которой исцеление происходит благодаря фрустрации — очень «дейательная» техника, решительно препятствующая спонтанным импульсам пациента.

ет (но не избегает полностью) опасность развития параноидной установки. Люди, не способные к «сублимации», лишая свои привычки, лишают себя энергии выражения и будут однозначно проецировать свои импульсы (которые первоначально вели к формированию этих привычек) и становиться не счастливее, но опустошеннее.

Александр больше всего интересуется и больше всего занимается сверхнапряженными людьми; его «торможение» соотносится с высвобождением присасывания (*Verbissenheit*), и если ему успешно удастся разместить эту инфантильную установку благодаря сознательному планированию, он конечно достигает фундаментальных изменений. Он правильно подчеркивает трудности, которые переживают люди в связи с изменениями. К счастью, не все человечество фиксировано на установке присасывания, к счастью, еще осталось некоторое количество жующих людей, которые хотят и могут осуществить изменения в себе и в других.

* * *

Метод «торможения ложных установок» Александра и его сосредоточение на правильных установках настолько же неэффективно и односторонне, как и подход Фрейда, который сосредоточен на анализе нежелательных установок. Требуется комбинирование, синхронизация анализа и переобуславливания. Разрушение и построение — это просто стороны единого неделимого процесса организмической реорганизации.